

Ю. В. Андреева

**ТРАГИЧЕСКИЙ ОПТИМИЗМ:
ФИЛОСОФИЯ ВОСПИТАНИЯ
XX ВЕКА**

Монография

2025

Ю. В. Андреева

**ТРАГИЧЕСКИЙ ОПТИМИЗМ:
ФИЛОСОФИЯ ВОСПИТАНИЯ XX ВЕКА**

Монография

Санкт-Петербург
Наукоемкие технологии
2025

УДК 1:37.01

ББК 87

A65

Автор:

Ю. В. Андреева – кандидат педагогических наук, доцент,
Российский университет кооперации,
Башкирский кооперативный институт (филиал), Уфа

Рецензент:

З. Р. Валеева – кандидат философских наук, доцент кафедры
экономики и управления, Башкирская академия
государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ)

A65 Андреева Ю. В. Трагический оптимизм: философия
воспитания XX века. Монография / Ю. В. Андреева. –
СПб.: Научное издательство, 2025. – 86 с.

ISBN 978-5-00271-077-5

Книга посвящена фундаментальному исследованию феномена трагического оптимизма в философии воспитания рубежа XIX–XX вв. В работе раскрывается сущность этого уникального явления, объединяющего в себе парадоксальное сочетание осознания жизненных трудностей и активного стремления к их преодолению.

Трагический оптимизм проявляет себя как осознанное, ответственное и мужественное решение человека, направленное на поиск смыслов и ценностей в процессе преодоления страданий, которое можно воспитать. Особое внимание уделяется механизмам формирования этого феномена и его роли в духовном развитии личности.

Книга будет полезна специалистам в области философии, психологии, педагогики, а также всем, кто интересуется проблемами духовного развития личности.

ISBN 978-5-00271-077-5

© Андреева Ю. В., 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. НАСТАВНИКИ ВОЛИ: ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОПТИМИЗМА В ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ.....	11
1.1. Трагический оптимизм (концепция Фридриха Ницше)	11
1.2. Духовно-верный оптимизм (концепция И. Ильина)....	22
Выводы по главе 1	34
ГЛАВА 2. НАСТАВНИКИ ДУХА: ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОПТИМИЗМА В ФИЛОСОФИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ	39
2.1. Трагический оптимизм В. Франкла (концепция В. Франкла).....	39
2.2. Оптимизм в педагогической атмосфере дома и семьи (концепция Отто Фридриха Больнова)	52
Выводы по главе 2	74
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	78
БИБЛИОГРАФИЯ	79

Моим родителям посвящается

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время наибольшую актуальность приобретает задача переосмысления истории, традиционно рассматриваемой во взаимосвязи преобразования мира и человека, и интерпретации истории как процесса самоизменения человека. Феномен трагического тесно связан с (не)нахождением возможностей самопознания и самореализации человека, с (не)развертыванием его внешних сил и внутренних потенций. Феномен может вносить свой вклад в развитие социальной философии, будучи встроенным в её категориальный аппарат. Феномен трагического, безусловно, содержит в себе социальную нагрузку и личные смыслы, выявляемые на перекрестке реальных отношений между людьми, сопряжённых со становлением личности, с её воспитанием, обучением, формированием, созданием новых форм социальности.

Оптимизм – это та мера, которая возникает на стыке социальных, онтологических, гносеологических, экзистенциальных, гуманистических и личностных смыслов, укорененных в свойствах человеческой природы, в не просто экзистенциальных категориях: «тоски», движении-к-смерти», но и в позитивно экзистенциальных – «события», «радости» и «встречи», в процессе социального созидания и человеческого общения, в восприятии человека человеком. Феномен трагического, отталкиваясь от индивидуального жизненного опыта, проходит сквозь культурные пласты, накопленные человечеством, апробированные и возвращенные назад, в человеческую жизнь.

В традиционной интерпретации «культура» как «culture» предполагает «возращивание» растущего человека до

уровня возмужалости и мужества, «обработку и облагораживание» человеческих чувств до уровня одухотворенности, «возделывания», формирования его разума и укрепления его духа.

В процессе социализации и самореализации растущая личность постоянно преодолевает, заданные обществом, рамки социальных ролей, создавая, тем самым, предпосылки поиска выходов из кризиса или выработки новых комбинаций социальных векторов развития: оптимизма или пессимизма, превращаясь в ключевой импульс выхода за рамки сложившихся социальных отношений. Мир предлагает человеку многообразие вариантов действий, побуждая выбирать из данного многообразия, воплощая в жизнь свою свободу. Педагогическая среда, в которую оказывается вовлеченной растущая личность, предлагает альтернативы, побуждает к личной инициативе и налагает ответственность за содеянное. Феномен трагического отражён в искусстве античной Греции, на примере которого видно и заметно, что личность не только вовлечена в бытие и созерцает, фиксирует его, но и бытие и сам космический порядок, законы, судьба создаются и изменяются на основе решающего выбора и действия самой личности.

Степень изученности проблемы. Феномен трагического в рамках философии имеет долгую историю изучения, начиная с античности, порождая множество его интерпретаций в науке. Можно выделить два основных подхода к исследованию феномена трагического. Во-первых, это выявление феномена трагического в соотношении с тем, что мы называем трагическим в повседневной жизни, когда научного внимания заслуживают «реальные» формы трагического. Другой возможный подход – это анализ идеальной, обобщенно-символической формы трагического как результата культуры и социальных форм, сквозь призму философских и педагогических трудов, эстетических и экзистенциальных концепций. Исторический экскурс в данной

работе показал, что идеальная сторона трагического привлекала античных философов, в частности – Аристотеля, который считал трагедию подражанием («мимесис») лицам и поступкам, – а не реальным переживанием страданий. Так, в своей «Поэтике», именно Аристотель одним из первых описал опыт трагедии, выделяя в ней её основные элементы.

Следующим этапом изучения трагического как категории философии стала неклассическая немецкая философия. В частности, В. Ф. Шеллинг выявил феномен трагического из борьбы, отождествляя необходимость объекта и свободу субъекта и рассматривая их в единстве. Феномен трагического у Г. Ф. В. Гегеля выступает как конфликт нравственных индивидуальностей с итоговым примирением их путём преодоления их первоначальной разрозненности. Данные концепции классической эстетики возвеличивают героическую борьбу и свободное действие героя, содержат установку на снятие противоречий в предопределяющей гармонии.

В целом концепции трагического Шеллинга и Гегеля носят не только эстетический, но и, ярко выраженный, этический характер: оба философа сходились во мнении о том, что феномен трагического находит свое выражение в искусстве.

Методологией нашего исследования служит философия жизни: герменевтика и экзистенциализм.

В работах Ф. Ницше акцентируется роль иррационального ядра античной трагедии, дионисийского начала. И именно это привлекло наше научное внимание. Особенно привлекательным является то, что его, ставшая неклассической, философия, не отрицает возможности переживаний и чувств конкретного человека, не нивелирует его отношение к происходящим историческим событиям. Ницше отталкивался от трудов своего учителя пессимистического направления Артура Шопенгауэра, однако, позже он разошёлся во взглядах со своим учителем во

взглядах на мир и человека именно потому, что Воля, так привлекающая его в трудах Шопенгауэра, трансформировалось в его собственных трудах в жизнеутверждающую силу и в конце концов, потеряла яркость трагического.

Концепции «трагического оптимизма» Ницше, в её целостном представлении и завершённом виде, в философии нет, но существуют отдельные идеи, позволяющие её реконструировать, переосмыслить и интерпретировать. Назовём некоторые из них:

- способность человека усовершенствовать мир, благодаря мечте, которая исходит из потребности «аполлонизма» (движения к свету, к прекрасному, лучшему);

- способность к преодолению трудностей жизни и страданий, которая требует признать, что есть в жизни худшее, которое следует преодолеть, исходя из потребности «дионисийства» (потребности забыть себя посредством отречения от своих страданий).

- метод *amor fati* («любовь к жизни») – отказ ретушировать прошлое и приукрашивать будущее, способ отношения к ошибкам и смирение с тем, чего нельзя изменить.

В целом Ницше – один из первых философов, кто синтезировал пессимизм и оптимизм, и у него получился «героический трагизм», выраженный в афоризме: «Лучше погибнуть стоя, чем жить на коленях».

Следующим этапом развития философии данного направления, на наш взгляд, является логотерапия Виктора Франкла, стоически перенёсшего муки четырёх концлагерей во время Второй мировой войны, теория и практика которого задействована не только в философии, но и в психологии.

Трагический оптимизм Франкла – это способность человека самостоятельно преодолевать страдания путём выявления собственных ресурсов и обнаружения жизненных возможностей и смыслов как перспектив личностного развития. Некоторые особенности концепции:

– *восприятие человеком обстоятельств* не как непреодолимой трудности, а как череды жизненных вызовов и вопросов, на которые надо отвечать, находя смысл всякий раз;

– *принятие страдания* и мужественное его перенесение как шанс человека найти смысл, даже когда все другие возможности исчерпаны;

– *осознанность и ответственность* за себя и принятые решения, за свою внутреннюю свободу выбирать отношение к страданию;

Знаменита формула Франкла: «Не можешь изменить ситуацию, измени отношение к ней».

Франкл считал, что даже в самых тяжёлых обстоятельствах жизнь остаётся открытой для возможностей, и ничто не предопределено до конца.

Следует отметить, 1) двойственность концепции трагического оптимизма – способность человека видеть хорошее, сохраняя при этом реалистичное восприятие жизненных трудностей; 2) духовное начало в оптимизме отражает способность человека находить смысл даже в трагических событиях; 3) жизнелюбие и стремление к лучшему даже в сложных ситуациях.

Автор придерживается логики изложения, исходя из личного опыта и духовного развития каждого человека: от оптимизма воли-к оптимизму духа, обращаясь сначала к философии жизни (Ф. Ницше, И. Ильина), а затем – к экзистенциализму (В. Франкла, О. Больнову). *Оптимизм воли* – вера в способность человека встречать трудности и опасности «лицом к лицу» и воспринимать их как вызовы собственной жизни и судьбы, преодолевать их и двигаться по пути нравственного самосовершенствования. В основе такого движения лежат разные направления: воля к власти (мощи у Ф. Ницше); воля к самосовершенствованию (у И. Ильина); воля к смыслу (В. Франкла); воля к преодолению страданий (у О. Больнова).

Оптимизм воли не имеет ничего общего со слепой верой в чудо, он основан на суровых реалиях жизни, благодаря изобретательности, вере в свои силы (*amor fati* – «любви к судьбе» в нищестанстве) и *мечте*, конструктивным действиям, личным усилиям конкретного человека и *борьбе* людей, благодаря которым человечество вышло из глобальной незащитности перед природой и миром, из личной неустроенности и приобрело способность строить свою жизнь как дом и христианскому терпению и *смирению* с тем, что нельзя изменить.

Оптимизм воли – поиск возможности смотреть на мир разумно, без иллюзий, понимать его и признавать несовершенство мира; посвящение себя использованию всех доступных возможностей, и личных ресурсов в работе над преодолением трудностей и продвижением к самосовершенствованию.

Оптимизм духа в экзистенциальной философии – позитивный взгляд на трудности с их дальнейшим преодолением, ибо вне действия – ничего нет (по принципу: выбор-принятие-смирение-действие «здесь и сейчас»-ответственность за действие и смысл как ряд ценностей).

Цель – раскрыть ценностно-смысловую сущность осознанного оптимизма как качества личности, показать его генезис и теоретические предпосылки в разных философских учениях. Это связано с тем, что концепция трагического оптимизма связана с разными концепциями, и исследование может рассмотреть идеи, связанные с преодолением страдания, в контексте философии жизни и экзистенциализма.

Теоретическая значимость работы заключается в систематизации представлений о трагическом оптимизме как особой форме духовной культуры, способствующей личностному росту и саморазвитию.

Практическая ценность исследования состоит в разработке методологических основ формирования трагического оптимизма как качества личности,

способствующего преодолению кризисных состояний и поиску новых жизненных смыслов.

Книга будет полезна специалистам в области философии, психологии, педагогики, а также всем, кто интересуется проблемами духовного развития личности.

Новизна исследования состоит в выявлении педагогического содержания философии оптимизма: педагогических принципов, методов его воспитания.

Итак, приступим.

ГЛАВА 1. НАСТАВНИКИ ВОЛИ: ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОПТИМИЗМА В ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ

1.1. Трагический оптимизм (концепция Фридриха Ницше)

Введение. Фридрих Вильгельм Ницше стал основателем философии жизни в то время, когда педагогика ещё не была самостоятельной наукой и развивалась в рамках философии как методика преодоления и борьбы. Ярким выразителем ницшеанства в России можно считать «раннего» М. Горького, который по молодости отрастил усы, как у философа, и требовал, чтобы «сильнее грянула буря», в «Песне о буревестнике» [17]. Оптимизм Горького в литературе выразился в вере в Человека, в его самые лучшие качества, в его способность преодолевать плохие и невольно послужил основой «оптимистической гипотезы» [36] А. Макаренко в педагогике. Как известно, Горький и Макаренко были дружны и имели сходное мировоззрение как люди одной эпохи.

Ницше мечтал быть музыкантом и глубоко проникся произведениями композитора Вагнера. Один из первых своих философских трактатов «Рождение трагедии из духа музыки» Ницше посвятил ему [46]. Также Ницше обращается к философии пессимизма Артура Шопенгауэра и его книге «Мир как воля и представление» [64]. Позже Ницше написал о нём эссе «Шопенгауэр как воспитатель» [47].

В ранних работах Ницше речь идёт о противопоставлении двух начал в человеке дионисийства (хаоса) и аполлонизма (гармонии). Концепции трагического оптимизма нет как таковой в её целостном представлении и завершённом виде, однако существуют отдельные идеи, позволяющие её реконструировать, переосмыслить и интерпретировать.

На сегодняшний день педагогические аспекты творчества Ницше специально не разрабатываются, но многие

его идеи выходят за пределы философии и требуют своей реализации в педагогической практике.

Методологию исследования составили: философия жизни и волюнтаризм Ницше, его антропологический и гуманистический подход, в центре которого человек как мерило бытия с его направлениями эстетического утверждения жизни в ответ на «смерть Бога» и кризис культуры; пониманием дионисийства и аполлонизма; концепцией воли к власти в аспекте смирения с тем, чего нельзя изменить.

Методы исследования – философская реконструкция и авторская педагогическая интерпретация идей Ф. Ницше в контексте философии жизни.

На основе антропологического и гуманистического подходов Ницше мы можем заключить, что его философия – живой и подвижный воспитательный проект, наполненный подчас противоречивыми идеями, что требует от читателя переосмысления, реконструкции и авторской интерпретации. Исходя из этого, мы ставим целью выявить педагогические аспекты его философии трагического оптимизма.

Результаты исследования. Жизненные цели человека Ницше связывал с двумя противоположными способностями: одна из них – способность к преодолению хаоса, страдания и бессилия, другая – тяга к прекрасному, лучшему, совершенному и «воля к победе». Способности происходят из противоречивой природы человека: «дионисийской» (биологической) сущности человека и «аполлонизма» (всего человеческого и светлого). Его «утончённый героизм» утверждает в нём оптимиста и человека культуры.

Приступая к изучению педагогических аспектов творчества Ницше, считаем необходимым отметить, что в его время педагогика не была отдельной наукой и развивалась в рамках философии.

Фридрих Ницше никого не поучает, он только предлагает свои идеи к рассмотрению, в произведении

«Шопенгауэр как воспитатель» вообще предлагает кремировать себя после смерти и сжечь все свои произведения.

Ницше никого не воспитывал открыто, никому не навязывал свою волю, однако в том же произведении писал, что считает философов настоящими воспитателями, но только в том случае, если они подают пример. К таковым Ницше причислял Шопенгауэра. И даже считал его своим отцом.

Педагогическими мы считаем идеи Ницше, связанные с концепцией самосовершенствования человека, переоценки ценностей. На основе анализа научной литературы [43; 52] мы можем заключить, что педагогическая интерпретация идей Ф. В. Ницше основывается на нескольких его принципах воспитывающего характера.

Например, на принципе прекрасного. Образование, с точки зрения Ницше, имеет все возможности для развития у детей художественного вкуса, стремления к красоте и творчеству, если будет показывать высокие образы культуры и приводить нравственные примеры, использовать воспитывающее влияние музыки и театра. Мы считаем, что философия Ницше, содержащая теорию красоты, и сейчас может послужить методологическим основанием для эстетического воспитания.

Ещё один принцип Ницше – принцип единства культуры и образования. Сущность культуры философ раскрывал как феномен самовоспитания. Человеку культуры следовало бы быть образованным и способным к самовоспитанию. Падение нравов философ объяснял тем, что в гимназиях того времени недостаточно уделяли внимания изучению истории и родных языков.

Также принцип, актуальный и в наши дни, – принцип недопустимости учебных перегрузок. Ницше подсказывал учителю: к учению следует подходить деликатно, потому что оно – тончайший инструмент для повышения уровня культуры в целях самовоспитания и самосовершенствования личности.

Педагогические аспекты философии Ницше состоят в его утверждении о необходимости создания культуры и новых ценностей для человека и общества.

Следующий – принцип природосообразности. Задача учителя, по Ницше, состоит в том, чтобы подсказать растущему человеку, к чему у него способности, каковы склонности, каков дар от природы. Ницше считал возможным взрастить человека до гениальности, до сверхчеловечности. К слову сказать, идею сверхчеловека можно трактовать и в этом ключе – в соответствии с принципом всестороннего развития личности: пределов человеческого совершенства нет.

Пятый принцип – принцип непрерывного образования. Ницше писал: «Нужно уметь и хотеть быть учеником»; «Постоянно старайся быть тем, кем ты должен быть: учителем и созидателем самого себя». Со слов Ницше, образование не может служить утилитарным целям, образование есть самоцель, которая служит «вечному и неизменному намерению природы» человека – научиться возвышаться до совершенства, быть выше трудностей жизни и собственной природы; «образование служит приобщению человека к системе духовных ценностей ради облагораживания его духа» [51]. Культурно-этический идеал человека у Ницше – это человек, который создал себя сам путём самовоспитания и самообразования.

Ницше перенял восприятие образования с лучших образцов древнегреческой культуры. Образование, в представлении Ницше, строилось на идеалах «пайдейи» Аристотеля с ориентацией на естественное, данное человеку от природы стремление к лучшему образованию и культуре. Формирование понятия «Ницшеанский оптимизм», видимо, прослеживается от лат. наилучший». Образование – это формирование аρεте. Была такая древнегреческая богиня, которая управляла телом и разумом человека в определённом ритме. И ритм был важен для здоровья. Вслед за древнегреческим философом Сократом воспитание также

трактовалось Ницше как терапия души с обращением в глубины человеческого «Я». Образование (от греч. «пайдейи» – «педагогика») было направлено на формирование культуры духа. Педагогическими средствами Ницше считал лучшие образцы искусства и нравственные примеры.

Примечательно, что немецкий философ и поэт Фридрих Ницше был знатоком нравственных примеров русской культуры: произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского и др. Он возлагал надежды на Россию в возрождении лучших образцов русской культуры и видел Россию антиподом «убогой европейской раздробленности» [49].

Впервые Ницше задался вопросом о том, почему пессимизм становится признаком неудач, нравственного упадка человека, заката Европы и существует ли пессимизм силы. Он задался вопросом: «Не будет ли будущее поколение более злым, более откровенным в хорошем и плохом!» Мы, в свою очередь, спросим: «Можно ли считать Ницше провозвестником героического мировоззрения; глашатаем «несокрушённой человеческой воли, любви и доверия к своей судьбе; (буре)вестником морали жизнеутверждения, эстетики существования и этики самосовершенствования»?» Можно ли господство сильного рассматривать как духовное влияние, оказываемое на людей в силу своих лучших качеств. Это всё вопросы сильного человека, оказавшегося в неблагоприятных условиях. Вопрос создания благоприятных условий решается педагогикой.

Оптимизм как понятие философии жизни Ницше противоречив: с одной стороны, он связан с верой в лучшее будущее, со способностью человека усовершенствовать мир путём мечты, с другой – трагический потому, что такой оптимизм требует признать: в человеке и в жизни есть худшее, которое следует преодолевать путём борьбы.

Трагический оптимизм Ницше, на наш взгляд, методологически связан с его теорией красоты, порождённой,

как ни парадоксально, страданием, стремлением уйти от горестей жизни; от «опьянения страданием» [48].

Трагический оптимизм как феномен философии жизни парадоксален, поскольку с точки зрения педагогики и самовоспитания представляет собой движение человека по пути нищезанского самосовершенствования от трагического минуса к оптимистическому плюсу, говоря словами Ницше: «То, что не убивает, делает нас сильнее» [48;49]. Имеют педагогическое значение только усилия человека по улучшению собственной природы и своей нравственной жизни.

На наш взгляд, трагический оптимизм Ф. В. Ницше исходил из двух присущих человеку потребностей: «аполлонизма» – потребности усовершенствовать мир путём мечты и «дионисийства» – потребности забыть себя путём борьбы, преодоления страдания.

У трагического оптимизма две стороны. С одной стороны, трагический оптимизм – это способность преодолевать трудности своими силами (способность человека преодолевать собственную («дионисийскую») природу с жадой страдания). С другой стороны, это способность человека двигаться к мечте, которая исходит из его потребности разворачиваться к свету («аполлонизм»), путём направленного внимания его к лучшему, к прекрасному.

Первоначально человек стремится раствориться в дионисийстве, но затем пытается обуздать этот свой порыв аполлонизмом и учится трагическому оптимизму.

Родная сестра Ницше Элизабет считала молодого брата отличным воспитателем, наделённым множеством идей и способов их воплощения. Действительно, известно, что при выявлении критериев образованности человека Ницше выделял влияние искусства, художественный инстинкт, потребность в философии, воспитание людей с аристократической природой духа, которые возьмут на себя ответственность.

Педагогическая интерпретация философии Ницше состоит ещё и в выявлении способов, позволяющих научиться трагическому оптимизму.

В философии Ф. Ницше есть такое понятие, как *amor fati* («любовь к судьбе»). Отчасти это выражение подразумевает принятие своей судьбы: своих ошибок, слабостей, духовных недостатков, неприятностей и страданий; своих утрат, своей внешности, физических недостатков и эмоциональных потрясений. *Amor fati* – это такое всеобъемлющее и безусловное принятие, близкое к «принятию» Карла Роджерса; принятие причин боли и удовольствия с одинаковым смирением и благодарностью. Ф. Ницше учит человека опираться на дух принятия, чтобы тот научился и сумел защитить себя от отчаяния, жизненных невзгод и страха.

В письме к другу [44], написанном летом 1882 года, Ф. Ницше уже чётко формулирует свой метод *amor fati*. Он подводит итог, говоря о новом духе принятия: настроении фаталистического принятия себя Богом – *amor fati* как отказ ретушировать прошлое и приукрашивать будущее.

Метод 1. Amor fati – способ реалистичного отношения к ошибкам, которое можно трактовать как смирение. Но не только. Мудрость философии Ф. Ницше состоит в том, что она основана на воле, которая выражается в действии, инициативе, самоутверждении; в смирении с тем, чего нельзя изменить. *Amor fati* Ф. Ницше называл формулой величия человека и его духа: навык ничего не хотеть; ничего сверх того, что дано (боли или удовольствия), ни впереди, ни позади; навык стойко переносить тяготы жизни и человеческие страдания как необходимые. Подход *amor fati* Ф. Ницше можно трактовать как средство от сожалений и неудовлетворённости, средство от бесконечного и беспокойного стремления личности к самосовершенствованию, средство преодоления страданий и избавления от страха неудач.

Не будем забывать, что Ницше был противником всяческого обожествления, поэтому *amor fati* не следует воспринимать в качестве божественной заповеди, однако, как педагогический приём, он может считаться эффективным инструментом выведения человеком самого себя из оцепенения, вызванного страхом ошибиться, из паралича воли, оков отчаяния в активную сферу всепринятия и смирения.

Метод 2. Всеобъемлющее принятие чего-либо как данности, если это нельзя изменить. Принятие требует буддийского спокойствия; принятия неизбежного или неприятия (запрета) переживаний по поводу и без; отказа от чувств, сохраняющих для человека возможность быть разрушительными. Принять неизбежное следует для того, чтобы больше не надеяться всё изменить, мир сделать лучше, самому стать лучше.

Метод 3. Способность сказать жизни: «Да», несмотря на свой ужас и отчаяние. С возрастом Ницше признавался, что скорее согласится, чем будет возражать. И где та буря, где преодоление? Согласиться не значит смолчать, не значит проявить слабость! Согласиться – значит проявить силу, найти в себе силы для принятия того, чего нельзя изменить.

Среди идей, привлекательных для нашего педагогического исследования, мы назовём несколько. *Эстетическое утверждение жизни в ответ на «смерть Бога»*. В книге «Весёлая наука» [40] Ф. Ницше провозгласил, что «Бог мёртв»; наступил кризис культуры; закат Европы; приняты понятия «дионисизма» и «аполлонизма»; жизнеутверждающая философия концепции воли в аспекте смирения с тем, чего нельзя изменить, – ключевые понятия философии культуры Ницше, антропологического и гуманистического подходов, в центре которых сам человек как феномен и мерило бытия.

Ницше предлагал учиться видеть лучшее и прекрасное в необходимости: «... стать одним из тех, кто делает вещи

прекрасными» [42]. Единственным отрицанием он признавал возможность отвернуться, чтобы не видеть худшего. Следующие несколько методов приведём из эссе «Как становятся сами собою» [там же].

Метод 4. Осознанный выбор – умение выбирать то, что способно утешить; возможность прибегнуть к любому интеллектуальному шагу в зависимости от жизненной ситуации.

Метод 5. Осмысление опыта и способность «перемещать перспективы», переоценивать ценности.

Метод 6. Умение «обращать в свою пользу вредные случайности и помнить: то, что нас не убивает, делает нас сильнее». «Человек достаточно силен, чтобы всё обращать себе во благо».

Метод 7. Умение «проникать взором по ту сторону перспектив».

Метод 8: Умение «находить вкус в хороших и в незначительных вещах». Ницше писал: «Я перестал быть пессимистом. Инстинкт самовосстановления воспретил мне философию уныния».

Метод 9. Дистанцирование от неприятностей. Борьба с неприятностями – пустая трата времени и сил, непозволительная роскошь. Сила не должна растрачиваться на отрицательные цели.

Метод 10. Искусство – это именно тот метод, который позволяет избегать страдания благодаря мечте.

В философии жизни, на наш взгляд, обнаружены педагогические идеи и методы, которые возможно объединить в комплексную методику самовоспитания.

Обсуждение результатов исследования. Историческое время не пощадило Ницше: оно делало из него аристократа духа, безумного декадента, фашиста. Писатель Томас Манн и философ Альбер Камю видели в нём поэта и философа, формированию взглядов которого способствовали интуиция художника слова и совесть философа. Философ Карл Ясперс

считал, что у Ницше мышление определяется христианскими ценностями. Мартин Хайдеггер полагал, что в творчестве Ницше преобладают психологические моменты.

Чтобы правильно понять Ф. Ницше, нужно обладать высоким уровнем культуры и образования, знать его книги, разбираться в вопросах педагогики и культуры, интересоваться ими, как Ф. Ницше, чтобы иметь собственное представление и позицию, позволяющую противопоставить их идеям Ницше. Ницше говорил о том, что у учителя нет свободы собственного мнения, образование свелось к внешнему лоску, утратив дух просвещения.

Чётко прослеживается тоска Ницше по героям духа. Его воспитательный проект сводился к вопросу о том, можно ли облагородить людей. Одни руководствуются инстинктом хаоса («инстинктом Диониса»), другие – стремлением к свету и красоте («инстинктом Аполлона»). Для первых достаточно профессиональных школ, вторым нужна классическая высшая школа.

У будущего поколения, считал Ницше, не будет приверженности к книжному знанию, и он оказался в чём-то прав. Тенденции современного мира подсказывают, что большинство людей стремятся зарабатывать и искать приложение своим силам в ближайшие года два, и только избранные, отдельные люди стремятся получить высшее образование, потратив на это годы и даже десятилетия.

Мы же, в свою очередь, ставили целью показать Ницше как воспитателя, таким, каким ему и следовало быть, духовным наставником в наше время смены столетий. Он учил преодолевать жизненные трудности и собственные человеческие слабости, при этом он сам переживал жизненную трагедию, и после смерти его творчество постигла катастрофа. И здесь можно вспомнить четвёртый педагогический принцип, приведённый в нашей статье: «любовь к року, доверие к собственной судьбе (amor fati)».

Этот принцип он заимствовал у античных стоиков. Это была его формула величия Человека!

В творчестве Ницше прослеживается влияние идей А. Шопенгауэра, который развернул тезис об искусстве посвоему. *На протяжении всей жизни человека все усилия его направлены на то, чтобы с помощью мечты извлечь из страданий «волю к победе».* Выражением этого усилия (выражением желания жить как проявления трагического оптимизма) служит музыка. Танец и музыка оказываются теми самыми педагогическими средствами преодоления страдания. Музыка и танец занимают место воспитателя.

Музыку тоже можно трактовать как «подательницу забвения». В целом, с точки зрения Ницше, все виды искусства порождены одним и тем же «порывом человеческого духа к лучшему миру», с нашей точки зрения, – к оптимизму. Иногда место музыки в трудах Ф. Ницше занимают диалог и актёрское действо. И их также можно трактовать как педагогические средства тренировки воли.

Ницше критиковал древнегреческого философа Сократа за его стремление всё познать и привести доказательства всему, что он видит, чувствует, осязает. Ницше считал, что Сократ своим излишним рационализмом загубил мечту, и поэтому предложил противопоставить иссушающему рационалистическому духу «трагический дух» и «порыв к прекрасному».

Мы согласны с тем, что наука и философия «неловко разрывают покрывало благодетельной иллюзии», тогда как музыка (искусство музыки) способна соткать его заново: создать заново «мир мечты», позволяющий забыть тяготы окружающего мира. *Мечта позволяет человеку забыть о себе, и о трудностях, и о страданиях, она – способ дистанцирования от них. И от смерти.* И это дистанцирование также можно трактовать как педагогический приём.

Заключение. На основе философской реконструкции и авторской педагогической интерпретации идей Ф. Ницше выявлено несколько способов преодоления страдания. Ницше писал, что из своей воли к жизни он создал свою философию, и в ней мы увидели 10 (способов) методов, которые можно использовать в целях самовоспитания. Среди них: *amor fati* (доверие судьбе), смирение, принятие, искусство: танец, музыка, диалог и актёрское действие. Так, популярная концепция воли к власти Фридриха Ницше дополнена приёмами смирения, хотя сама не всегда принимает смирение, а если и принимает, то в традиционной философии не принято говорить о Ницше в связи со смирением и всеобъемлющим принятием. В этом новизна нашего исследования.

Фридрих Ницше действительно оказал значительное влияние на педагогику, благодаря своим идеям о воспитании и образовании. Педагогическая интерпретация его идей основывается на принципах антропологического, гуманистического, этического, эстетического и творческого подходов, что делает его идеи актуальными и востребованными в современном образовании.

1.2. Духовно-верный оптимизм (концепция И. Ильина)

Введение. Последние достижения науки и техники, как ни парадоксально, отдалили человека от самого себя, интернет-технологии дистанцировали людей друг от друга. Человек XXI века оказался менее просвещённым в отношении жизненных задач, нравственных потребностей и истинных желаний и возможностей. На сегодняшний день ориентация на духовные смыслы и поиск нравственных ориентиров становятся злободневными. Человек заново учится жить без опоры в постоянно меняющемся мире и вновь обретает эту опору в себе, если учится рассчитывать на себя и на свои духовные силы. Это не первый виток развития, который

проходит человечество в своем духовном созревании и нравственном самосовершенствовании.

В философии И. А. Ильина, а затем и В. Э. Франкла, мы находим ответы на «вечные вопросы», касающиеся положения человека в мире, смысла истории и личностного смысла, борьбы человека за свободу, нравственное самосовершенствование и творческую самореализацию. Известно, что аутентичный смысл образования состоит уже не столько в передаче знаний, умений и навыков, и даже – не столько в развитии профессиональных компетенций, сколько в совершенствовании «мягких» навыков, способностей человека «находить уникальные смыслы», которые влияют на духовную жизнь и в итоге определяют экзистенцию человека.

На сегодняшний день И. А. Ильин остается одним из самых цитируемых философов.

В нашем исследовании в философско-педагогическом ключе особый научный интерес представляет его духовно-религиозная концепция оптимизма как некая программа духовной стойкости. Мы согласны в том, что «менее всего можно заподозрить Ильина в отсутствии мужества или честности. Его жизненный и творческий путь свидетельствует о том, что он в полной мере соответствовал своим собственным представлениям о рыцаре духа» [18; 19]; в его творчестве столько подлинно духовно-верного и оптимистичного, и в этом сам он – наша опорная величина [35].

С 1923 по 1934 год Ильин служил профессором в Русском научном институте в Берлине. В 1938 году, *опасаясь преследований со стороны нацистов*, покинул Германию и переехал в Швейцарию, где прожил до самой смерти в декабре 1954 года.

Методы исследования. Анализ философских трудов И. А. Ильина показал, что оптимизм имеет две стороны. Одна из них представляет врожденную способность человека и трактуется как дар силы, который включает в себя природные

склонности и здоровье, при этом внешнее его проявление зависит от приобретенного человеком жизненного опыта и складывается в процессе воспитания. Воспитание оптимизма зависит от многих факторов, в первую очередь от внешних условий. Тогда, с другой стороны, оптимизм – приобретаемое качество, трактуемое И. А. Ильиным как «искусство самоусиления» [26, с. 144].

Так, с позиции экзистенциально-гуманистического подхода оптимизм раскрывается как вера в человеческую природу, вера во врожденно-позитивную, добрую и конструктивную сущность человека, заложенную в виде творческого потенциала, которая развивается в соответствующих условиях, с одной стороны; и как практика самоусиления, пропитанная опытом преодоления трудностей – с другой.

Духовно-религиозная концепция оптимизма И. А. Ильина складывается в традициях русского православия, но в то же время имеет корни и в предшествующей немецкой классической философии.

На религиозное мировоззрение И. А. Ильина повлияла так называемая философия жизни А. Шопенгауэра, ключевым положением которой оставалась интуитивно постигаемая жизнь. Первым последователем пессимистической философии А. Шопенгауэра выступил Ф. В. Ницше со своим понятием «воли к власти» [42; 50] – той самой сути жизни, которая, однако, не слепа как у А. Шопенгауэра, а имеет цель: развитие чувства самосохранения, чувства жизни и повышение способности жить и увеличивать силы, увеличивая власть. Пессимизму своего учителя А. Шопенгауэра Ф. В. Ницше противопоставляет героический оптимизм. Цель философских трудов И. А. Ильина несколько иная – соединить волю с любовью.

Так, в философско-поэтическом трактате «Поющее сердце» И. А. Ильин писал, что оптимизм есть «воля, соединенная с любовью» (нравственная воля) – «таинственная

сила, которая всегда может стать еще более мощной и упорной. *Воля настоящего («духовно верного») оптимиста – есть дар силы или искусство самоусиления, живая бесконечность усилий – духовная perpetuum mobile, которой человек служит на земле»* [26, с. 42].

Духовно-религиозная концепция оптимизма И. А. Ильина изложена главным образом в его книгах «Религиозный смысл философии» и «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» [26; 29].

Эволюцию его взглядов можно проследить от рациональной немецкой школы к традициям русского православия. Позже, осуществляя анализ своих взглядов, И. А. Ильин нашел идейную основу в духовно-философских идеях православия.

Проблема оптимизма в концепции И. А. Ильина имеет духовно-нравственный аспект. Конкретизация и обобщение представлений об оптимизме раскрываются в его понятиях о «духовном созревании» и «сердечном созерцании»; о нравственной воле и разумном мышлении; об аксиологии и педагогике сердца. Эти основные понятия являются ключевыми в условиях формирования сознания и воспитания растущей личности, в формировании идеологии будущих поколений.

Цель исследования – проанализировать проблему оптимизма и выявить философско-педагогические основания его воспитания. Задачи: проследить генезис феномена духовно-верного оптимизма; выявить его философско-гносеологические и духовно-нравственные основания.

Результаты и обсуждение. Анализ нескольких работ философа И. А. Ильина позволяет представить несколько положений его концепции; уточнить понятие оптимизма как дара и как искусства самоусиления, а также выявить ряд приемов его воспитания.

Во-первых, оптимист полагается на Бога и не переоценивает собственные силы, в нем нет гордыни и есть

смирение с тем, что нельзя изменить. Он знает меру собственных сил, соотносит их с Божьим замыслом, который стремится разгадать на протяжении собственной жизни. Пока он живет, он верно служит. Оптимизм здесь трактуется «не только как воля к победе, но и воля к верности» [26].

Во-вторых, оптимист избегает опасности разрушительных эмоций, а потому контролирует их, отслеживает и управляет собой. Благодаря этому, опять же, он способен трезво оценить свои силы. Оптимист – волевой человек, знающий о своей ведомости и хранимости, преданный Божьему делу, которому он служит, и «питает жизненную струю своей воли из Божественного источника». Оптимист черпает силу в молитве и следует принципу: «С нами Бог!».

В-третьих, оптимист развивает в себе и обладает способностью преодолевать страдания. Причем переносить лишения и неприятности, самому идти навстречу любой неудовлетворенности – это *мужество*, которому можно научиться. Научиться действовать так, чтобы не бояться неприятностей, помня, что «застрашенная душа теряет власть над самим собой» [26]. «Страх возникает от воображения опасности или гибели; *храбрость* – есть власть над своей фантазией. Не надо предвосхищать возможное зло, кто это делает, тот подготавливает место для него и обессиливает себя» [26, с. 53].

Для педагогики, понимаемой нами как практическая философия, важны возможности приобретения оптимизма как искусства самоусиления и возможности развития дара силы, поэтому мы замечаем некоторые педагогические приемы, предложенные философом. И. А. Ильин писал: «Нет такого безрадостного тупика в жизни, которого нельзя было бы проломить молитвою, терпением или юмором» [26; 12, с. 52].

По И. А. Ильину, жизнь человека не только направляема высшими силами, но и контролируема человеческими усилиями, если основана на управлении собой

и на самовоспитании: *«Искусство жить* – есть искусство воспитывать себя к Божественному и уметь воспринимать радость, находить совершенство в мире и "бескорыстно наслаждаться им"» [26]. Искусству или умению наслаждаться жизнью учат: молитва; утешение; отвлечение с радостью.

В-четвертых, оптимизм как навык самоусиления требует, чтобы человек научился терпению. О терпении И. А. Ильин писал, что мы сами не знаем своих сил, часто думаем, что не справимся, не сможем преодолеть страдание, но время идет, и справляемся, благодаря терпению. В концепции И. А. Ильина терпение выступает как «способность спокойно и достойно предвидеть возможное зло, и не преувеличивая его, крепить свою силу» [26]. Это И. А. Ильин называл «воспитать в себе жизненного стратега». Великое открытие для воспитания у И. А. Ильина состоит в том, что терпение можно воспитать, взрастить в себе и укрепить. Секрет состоит в знании того, что терпение усиливается при доверии к себе и доверии к его неисчерпаемости. Примечателен тот факт, что терпение здесь – не покорность, не слабость, а активность и мужество духа, выраженное и проявляемое в победе над страданиями. Терпение здесь трактуется И. А. Ильиным в традициях русского православия как «искусство ждать и страдать»; как «вера в победу»; «оно – сама победа слабости». Укрепить терпение можно юмором (обращаясь к себе) и молитвой (обращаясь к Богу). В целом терпение понимается как борьба человека со слабостями и иждивенческими наклонностями по пути к духовно-нравственному самосовершенствованию. С точки зрения И. А. Ильина, она – живая ткань самосовершенствования и основа мироздания. И. А. Ильин призывает жить и творить с истинным терпением «гусеницы, которая превращается в бабочку» [2].

Из терпения рождаются мужество как уверенность человека в его способности многое выдержать и преодолеть; умение не скучать на учебных занятиях, умение не трусить, понимание того, что «Я выдержу!», и что «Я смогу!».

Мужество как такое умение развивается не только в преодолении трудностей и страданий, но и на основе метода отвлечения с радостью: развитие способности находить радости в жизни и черпать из них силу для дальнейшей борьбы с трудностями является одним из ключевых качеств растущей личности.

В-пятых, оптимизм как навык самоусиления требует, чтобы человек научился переносить (благодарно принимать) страдание, а значит, уделять ему время, «предаться ему», но не для того, чтобы ничего не делать, ничего не преодолевать, а для того, чтобы разглядеть его сущность и причину – научиться свободно и спокойно смотреть «вглубь своей страдающей души, с молитвою в сердце и с твердой уверенностью в грядущей победе» [26]. Так рождается экзистенциальная встреча с болью в целях ее преодоления, а не избегания. В таком понимании оптимизма, как преодоления страдания, как мужества, прослеживается религиозная позиция И. А. Ильина в лучших традициях русского православия.

Для оптимизма как искусства самоусиления, выраженного в способности переносить страдания, требуются два внутренних условия, образующих педагогический принцип опоры на себя, разветвленный:

1) на принцип опоры на цель: у человека должна быть некая высшая цель (понимаемая им как то, что он любит, за что живет и за что борется);

2) принцип ценности того, что есть, раскрывающийся в способности человека сосредоточивать волю и усилия на любви и благодарности, в способности довольствоваться тем, пусть даже малым, что дано, а не на том, чего лишен. Воспринимая жизнь как дар, человек учится ценить то, что имеет, а также учиться житейской мудрости и умению наслаждаться мгновениями жизни.

Волю как умение переносить страдания можно приобрести и укрепить не только в молитве, хотя и она учит

«говорить с опасностью от лица духа» [25]; но и с помощью *самоприказа* – этот прием может считаться педагогическим, поскольку обладает мощным воспитывающим эффектом и мобилизует в момент опасности или в период преодоления трудностей.

Еще один интересный, но противоречивый в толковании, педагогический прием мы встречаем в книге И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою», в которой раскрываются техника воспитывающей государственности и метод благого самозаставления [25]. Следует признать, что человека иногда приходится приучать к духовной дисциплине, а к добру – принуждать, заставлять. И. А. Ильин писал об объективном существовании психического понуждения: «Все люди непрерывно воспитывают друг друга, хотя бы они этого или не хотят» [27, с. 23]. Поэтому государство как некая общность людей, безусловно, участвует в процессе воспитания своих граждан. Согласно И. А. Ильину, «задача общественно организованного психического понуждения сводится к укреплению и исправлению духовного самозаставления человека. И это относится не к человеку, уже сильному во зле (ему это не поможет), а к человеку, слабому в добре, но еще не окрепшему во зле» [31]. Поэтому правовые и государственные законы не должны рассматриваться как «законы насилия», так как на самом деле они являются законами психического принуждения. «Правовой закон отнюдь не насилует человека, не попирает его достоинства и не отменяет его духовного самоуправления: напротив, он только и живет, только и действует, только и совершенствуется от свободного личного приятия и самовменения» [25]. Такая техника применима в случае слабой воли воспитанника.

В целом для духовно-религиозной концепции оптимизма И. А. Ильина в традициях русского православия характерна аскеза, понимаемая в христианстве как «выбор страданий по доброй воле». Преодоление страданий выступает

здесь как верный путь, направляющий человека к счастью через молитву, свободное созерцание и любовь.

Почти в каждом произведении И. А. Ильин сожалеет, что в людях недостаточно любви, ведь они исключили ее из культуры, науки, искусства, из веры, из этики, политики и воспитания. Вследствие этого человечество вступило в духовный кризис.

В трактате «Путь к очевидности» [28] И. А. Ильин писал об опасностях, которые таят в себе три основы мнимого прогресса и ложного оптимизма: «бессердечная воля»; «мышление без сердца» и «воображение без сердца».

1. *Бессердечная воля* трактуется не как духовная потенция, а как «животная алчность» и «злое произволение»; она представляет собой «опасное явление природы».

2. *Мышление без сердца* содержит в себе корни зла – бессодержательного и формального учения, мертвой науки и пустой философии, поскольку безлично, лишено созерцания и интуиции.

3. *Воображение без сердца* как «фантазия без любви – естественное (пошлое) влечение, не склонное творить культуру» [28], которое не постигнет глубин жизни.

Новизна подхода И. А. Ильина состоит в раскрытии проблемы оптимизма во взаимосвязи с понятиями «духовное созревание личности», «эмоциональное созерцание» и «воля к верности в контексте преодоления страдания».

Проблема оптимизма в духовно-религиозной концепции И. А. Ильина осуществляется в связи с конкретным эмоциональным и гносеологическим развитием личности. Гносеологические основания представляют собой исходные теоретические положения, принципы, используемые в теории, и те, которым стоит следовать на практике.

Гносеологические основания придают его концепции одновременно эмоционально насыщенную глубину и научную основательность. Духовно-верный, не ложный оптимизм в его духовно-религиозной концепции не зависит от сиюминутных

настроений личности, здесь это определенная жизненная позиция личности и ее глубокая нравственная убежденность в победе над трудностями жизни. Так или иначе оптимизм связан с понятием свободы воли.

Оптимист – это «не легкомысленный весельчак, всегда пребывающий в хорошем расположении духа» [29, с. 55]; это человек, способный не поддаваться унынию или страху, способный преодолевать и взаимодействовать.

Особый научный интерес в методологическом плане и с педагогической точки зрения представляет философская мысль И. А. Ильина о том, что человек создает свою жизнь волей, чувством, воображением, но на основе созерцания сердцем.

Созвучную мысль мы прослеживаем в «педагогике сердца» В. А. Сухомлинского, согласно которому эмоциональное постижение выступает ведущим педагогическим методом. Так, И. А. Ильин писал о том, что человек должен научиться творческому созерцанию – восприятию себя [28, с. 4].

У И. А. Ильина, позже – у В. А. Сухомлинского, движущей силой личностного развития и духовно-нравственного самосовершенствования является *любовь*, благодаря которой и служение (о котором говорилось выше), и учение становятся предметными.

В концепции И. А. Ильина человек как «духовное существо всегда находится в творческом поиске лучшего, так как некий таинственный голос зовет его к совершенству» [30, с. 398]. Стремление отозваться на этот призыв и найти пути самосовершенствования «придают человеку *достоинство духа*»; «сообщают его жизни смысл»; «открывают возможность для творчества». Здесь духовность выражается не только в силе слова и разума, она глубже и выражается в знании о том, что в пределах человеческой души есть худшее и лучшее, «а лучшее, на самом деле, – такое качество и достоинство, которое не зависит от человеческого произвола».

«К этому лучшему и высшему нужно прислушиваться» [22, с. 5], так как оно – основа религиозного опыта. Здесь лучшее в человеке не исчерпывается его личными душевными пределами, а «является в нем самым излучением и энергией действительно Высшего и Совершенного Начала». Приобщаясь к нему, «человек радуется», испытывает «любовь, которая открывает доступ к подлинному бытию»; «это желание драгоценно и жизненно необходимо» [23].

Способности прислушиваться к лучшему И. А. Ильин учился у Г. В. Ф. Гегеля [21]. Философская система Г. В. Ф. Гегеля привлекала И. А. Ильина своей логикой изложения: от общего к частному; от Бога к человеку. Его философия постепенно становится антропологией. Из всей философии Г. В. Ф. Гегеля И. А. Ильин черпает систему духовного смысла, который есть Бог. Сущность Божья есть свобода. Позже продолжателем данной философской традиции, построенной на интуиции, станет В. Э. Франкл. Поскольку И. А. Ильин по матери имел немецкие корни вполне допустимо, что он читал Г. В. Ф. Гегеля, этого немецкого классика, в подлиннике. И. А. Ильин как бы помогает нам понять Г. В. Ф. Гегеля и его философию духа.

Духовно-верный оптимизм как волю к верности в понимании И. А. Ильина можно усилить, опираясь на любовь и сердечное созерцание [20; 37]. Потребность в любви можно пробудить, «вслушиваясь в голос сердечного созерцания» [28]. Следует признать, что *«нельзя человеку прожить без любви, ибо она – главная творческая сила человека, способность сказать Да»* [29, с. 20]. Быть источником любви – предназначение женщины [21, с. 245]. Женщина, излучающая духовную любовь, есть духовный клад своего народа [21, с. 247]. Это она «хранит духовную ткань Отчизны со всем своеобразием ее традиций и тклет ее дальше своим дочерям в наследство и поучение, своим сыновьям в качестве желанного образца. Конец стране, в которой целомудренная женская любовь иссякает, исчезает» [21, с. 248]. *Любовь – это дар*

увидеть лучшее (важное и драгоценное) в жизни», который позволяет обрести глубину и смысл, полноту и изящество жизни, т. е. любовь – спутница счастья. Однако здесь Ильин предупреждал о том, что «счастье может изменить человека так, что он станет слабее себя самого» [28], тогда как несчастья могут стать школой терпения, потому что учат человека быть самим собой. *Любовь как творчество рождается не в пустоте, а в смысле*, который до поры до времени скрыт в человеке. Все, что необходимо человеку в жизни как воздух: *здоровье, творчество, оптимизм*, – *скрыты* до поры до времени в самом человеке. Жизненные трудности, если они восприняты человеком как жизненные вызовы, пробуждают в нем оптимизм – это дар силы и искусство самоусиления [29, с. 50; 26, с. 11]. *Любовь и верность Богу* – основа духовности, духовного достоинства и культуры. Секрет состоит в том, что сила духа способна «укреплять себя и увеличивать свою силу» [26].

Коротко говоря, это означает, что человек является и остается оптимистом, преодолевая трудности, если слышит тихий голос разума, наполняющий смыслом человеческое существование и открывающий перед человеком ранее неизведанные возможности и силы. Внимательный и духовно чуткий человек способен отличить истину от лжи; способен распознать Божественный закон и Божий промысел, а затем следовать Божьему плану в согласии, смирении.

В духовно-религиозной концепции И. А. Ильина оптимизм выступает двояко: и как дар (нечто врожденное), и как искусство (нечто приобретенное) самоусиления, особенно актуализирующийся в период преодоления трудностей. В статье прослеживается эволюция философских взглядов И. А. Ильина: от понимания оптимизма как воли к пониманию оптимизма как действенного преодоления страдания в лучших традициях мужества и русского православия.

Для нашего исследования особенно ценно и то, что оптимизм как качество личности имеет как врожденную, так и

приобретаемую силу, которую можно воспитать молитвой, внутренним (сердечным) созерцанием, эмоциональным постижением, утешением и отвлечением с радостью. Не менее ценно и то, что и в методах его воспитания обнаруживаются духовные начала оптимизма.

Выводы по главе 1

Итак, мы стремились донести до читателей, что предметом нашего исследования является концепция «трагического оптимизма». На примере произведений Фридриха Ницше и Ивана Ильина мы выявили антропологические и гуманистические аспекты сопутствующих оптимизму феноменов, среди которых: человек как мерило бытия; жизнеутверждающая философия воли в аспекте смирения с тем, чего нельзя изменить; воля как витальный дух в своей живой непосредственности; воля как интуитивное постижение жизни. Определяются место и роль феноменов в существовании человека. Прослежены динамика отказа Ф. Ницше от пессимизма А. Шопенгауэра и взаимосвязь ницшеанства, горьковского оптимизма и педагогического оптимизма А. Макаренко как веры в человека и его способность менять мир и себя к лучшему благодаря мечте, борьбе и смирению.

Методами исследованию послужили историко-философский анализ и педагогическая интерпретация произведений Ницше («Рождение трагедии из духа музыки»; «ЕССЕ НОМО»; «Шопенгауэр как воспитатель»; нигилизм Ницше в «Весёлой науке» и др.); описательный, сопоставительный анализ; изучение текстов, конкретизация основных понятий и идей философии Ницше в педагогическом ключе. Методологией исследованию послужили *подходы*.

1. Идеи неклассической немецкой философии Ф. В. Ницше о морали, духе и воле к жизни, которые принимают формы мечты, борьбы и смирения, согласно которым

метафизическая мечта познать мир и исправить мир сменяется духом борьбы с ужасами смерти и смирения с тем, что нельзя изменить; идея принятия действительности как способность человека жить сегодняшним днём; идея трагичности жизни как бездны (идея дионисийства в человеке как способа его бытия) и унижительность не страдания, а нежелания человека его замечать и принимать; идея развития личности и переосмысления ценностей; идея нравственного долга человека перед жизнью – утвердить свою мощь, воплотить желания и выразить себя в искусстве и творчестве; идея искусства как проявления подлинной жизни, наполненной смыслом (идея аполлонизма); идея единства искусства и жизни как творческой силы; идея защитной функции искусства как эстетического феномена и идея утешения человека, усомнившегося в могуществе духа; идея *amor fati* (любви к своей судьбе); опора на дух принятия.

2. Философия иррационализма, героического пессимизма и оптимистического нигилизма: идея иллюзии смысла и мира без цели, в котором человек свободен, чтобы принять утешающее оптимистическое мировоззрение, которое развеет экзистенциальный ужас, тоску, движение-к-смерти; идея искусства как возвышенное преодоление ужасного.

3. Трагический характер философии Ницше в противоречивом сочетании с духом самоутверждения составляет его идею полноты жизни.

Трагический оптимизм как феномен философии жизни парадоксален, так как с точки зрения педагогики и самовоспитания представляет собой движение человека по пути ницшеанского самосовершенствования от трагического минуса к оптимистическому плюсу. Говоря словами Ницше, «то, что не убивает нас, делает нас сильнее». Имеют педагогическое значение только усилия человека по улучшению своей нравственной природы и жизни. Такой оптимизм имеет две стороны. С одной стороны, это способность человека усовершенствовать мир благодаря

мечте, которая исходит из его потребности «аполлонизма» (движения к свету, к прекрасному, лучшему); с другой – это способность к преодолению трудностей жизни и страданий человека, которая требует признать, что есть в жизни худшее, которое следует преодолеть, исходя из потребности «дионисийства» (потребности забыть себя посредством отречения от своих страданий). Оба инстинкта позволяют человеку забыть все тяготы существования.

В педагогической интерпретации философии жизни Ницше обнаруживается несколько способов, позволяющих научиться трагическому оптимизму. Среди них метод *amor fati* («любовь к жизни»), который можно трактовать как отказ ретушировать прошлое и приукрашивать будущее, как способ отношения к ошибкам и смирение с тем, чего нельзя изменить. Принято решение рассмотреть все способы как методы самовоспитания.

В философии жизни прослеживается влияние на Ф. Ницше А. Шопенгауэра, который развернул данный тезис об оптимизме по-своему. Взгляд философа интересен для педагогики. На протяжении всей жизни человека все усилия его направлены на то, чтобы с помощью мечты извлечь из страданий «волю к победе». Выражением этого усилия является искусство. Такие направления искусства, как танец и музыка, служат средствами подчинения страданий ритму. Музыку Ницше трактовал как «подательницу забвения тягот жизни». В целом, с точки зрения Ницше, все виды искусства порождены одним и тем же оптимизмом – «порывом человеческого духа к лучшему миру». Иногда место музыки в трудах Ф. Ницше занимает диалог или актёрское действие. Их также можно трактовать как педагогические методы, а не только как воплощение воли к жизни.

Философия Ницше неоднозначна по сути и многогранна по содержанию: она предлагает интеллектуальный инструментарий не только на период борьбы, воли к жизни, но и на период спокойного принятия и

любви к жизни во всех её проявлениях. На основе философской реконструкции и авторской педагогической интерпретации идей Ф. Ницше выявлено несколько методик преодоления страдания. Так, популярная концепция воли дополнена методами смирения и всеобъемлющего принятия. В этом новизна нашего исследования. Установлено, что философия жизни может представлять собой воспитательный проект и содержать способы, которые можно интерпретировать в педагогическом ключе как методы, образующие методику самовоспитания.

Духовно-религиозная концепция оптимизма И. Ильина привносит в философию и педагогику новое видение проблемы человека и его качеств и представляет научный интерес как некая программа духовной стойкости. Цель исследования – проследить генезис феномена оптимизма в духовно-религиозной концепции И. Ильина на фоне эволюции его философских воззрений; определить духовно-нравственные основания оптимизма в рамках данной концепции; определить методы формирования духовно-верного оптимизма как качества личности. Концепция оптимизма И. Ильина проявляет себя в нравственной стойкости личности, в осознанном смирении с тем, что нельзя изменить, и в преодолении тех трудностей, которые по силам: среди них – способность человека распознать свое жизненное предназначение и верно следовать ему на протяжении жизни, преодолевая трудности. Именно трудности выступают ступенями к их преодолению и продвигают человека к личностному росту и ставят его на пути к нравственному самосовершенствованию. В духовно-религиозной концепции И. Ильина оптимизм выступает двояко: и как дар (нечто врожденное), и как искусство (нечто приобретенное) самоусиления, актуализирующийся в период преодоления трудностей. В философских текстах И. А. Ильина прослеживается эволюция его взглядов: от понимания оптимизма как нравственной воли (в традициях немецкой

классической философии) к пониманию оптимизма как действенного преодоления страдания и мужества в лучших традициях русского православия. Чем тяжелее и безрадостнее жизнь, тем более востребован оптимизм как искусство духовной победы над страданиями и лишениями жизни, которые несут в себе мощный эмоциональный заряд духовного очищения, закаливания, укрепления и усиления.

Для нашего исследования особенно ценно и то, что оптимизм как качество личности, имея, как врожденную, так приобретаемую силу, можно воспитать: молитвой, внутренним (сердечным созерцанием), эмоциональным постижением, утешением, отвлечением с радостью. Не менее ценно и то, что и в методах его воспитания обнаруживаются духовные начала оптимизма.

ГЛАВА 2. НАСТАВНИКИ ДУХА: ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОПТИМИЗМА В ФИЛОСОФИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

2.1. Трагический оптимизм В. Франкла (концепция В. Франкла)

Введение. Миновала социально-экономическая и культурная ситуация, связанная с повышенной опасностью заболевания коронавирусной инфекцией, но оставила после себя некоторые социальные и психологические проблемы: усложнение социальных контактов, установление социальной дистанции, рост психологической напряженности, которые требуют, в свою очередь, поиска новых научных направлений и психотерапевтических практик, способных помочь человеку в период кризиса вновь обрести смысл жизни.

В настоящее время происходит частичная утрата культурных и нравственных ценностей, а, следовательно, и смысла жизни, что ведет к некоторой неустойчивости, более того – турбулентности человеческого существования.

Как показывает ретроспективный анализ, схожую ситуацию человечество переживало в начале XX века, когда наблюдалось столкновение двух точек зрения: теософской и материалистической, представителями которых явились З. Фрейд и Ч. Дарвин. Дарвинисты провозглашали человека «окультуренной голой обезьяной», полагая, что основу его поведения составляют инстинкты: продолжения рода, поиска пищи. Такое видение человека, находящегося во власти биологических сил, отнюдь не способствовало поиску смысла жизни. Дарвин повлиял на учение Фрейда: фрейдисты считали поиски смысла жизни и рассуждения о высших ценностях проявлениями невроза.

Произведения искусства, шедевры мировой классики растолковывались ими как появление комплексов человека, стремящегося преобразовать внутреннюю силу

неудовлетворённого либидо. Сосредоточенность З. Фрейда на инстинктах, холодность в отношении духовного в человеке оттолкнуло от его учения бывшего его сторонника Виктора Франкла, которого интересовали высоты человеческой психики, совершенство человеческого «Я», то, кем человек мог бы стать. Юный Виктор Франкл искал себя в различных философских системах, внутри которых зрел этот конфликт.

Не сойдясь во взглядах с З. Фрейдом, но отталкиваясь от них, В. Франкл писал: «Разве станет понятен человек, если его рассматривать как механизм, с которым работает исследователь-техник, раскладывая этот механизм на «атомы» эго-влечений, чтобы затем «починить» [72, с. 25].

Много позже зрелый В. Франкл считал, что «неврозы развиваются на фоне определенных мировоззренческих взглядов, на мировоззренческом же уровне они сохраняются. Врач-психиатр не имеет права на небрежное отношение к мировоззренческим решениям и личностным ценностям пациента» [58, с. 1].

Франкл конкретизировал смысл жизни в ценностях, на которые опирается личность в период кризиса или в момент его преодоления, считая, что поиск ценностей – это самостоятельная внутренняя работа человека, требующая от него напряжения и сил. Учение В. Франкла о смысле – его логотерапия, утверждает, что всю свою сознательную жизнь человек преодолевает кризисы и определяет их системой ценностей, и соотносит их со своими возможностями, при этом он выявляет те из них, которые следует рассматривать в числе приоритетных. Смысл жизни подвластен любому человеку, вне зависимости от пола, образования, возраста и социального статуса. При этом ценности уникальны: человек приобретает их и утверждает их своим жизненным опытом и мотивацией. С точки зрения В. Франкла, трудности преодолевают не самые сильные и физически здоровые, а те, кто обрел веру в себя и не утратил смысл жизни.

Так постепенно, в духовном поиске, зародилась философская концепция В. Франкла: *трагический оптимизм* как способность человека воспринимать страдания в виде череды жизненных вызовов и проверок на духовную стойкость; как способность противостоять трагической триаде: боли, вине и смерти; как возможность пробуждения в человеке подсознательного бога, некоей врожденной духовности, духовной стойкости и мужества. *Трагическим оптимизм назван потому, что в жизни слишком мало условий для его поддержания и слишком много – для его подавления.*

Цель исследования – раскрыть аксиологическую сущность оптимизма В. Франкла в качестве неотъемлемой части духовной жизни человека; определить педагогическое содержание его трагического оптимизма и интерпретировать его как умение личности действовать без внешней опоры, но с опорой на себя и на цель, сохраняя равновесие в постоянном духовном разумном движении и позитивном изменении, обретая себя и жизненные смыслы, как умение, которому можно научиться, обретая смыслы и преодолевая страдания; представить оптимизм как одну из составляющих созидательной и осознанной деятельности человека, действенным средством утешения и спасения в условиях действия без опоры и надежды на будущее.

Ценностная проблематика составляет основу многих философских учений, однако при этом в аксиологии отсутствует общепринятая теория ценностей при существовании отдельных конкурирующих между собой концепций. Отсутствие общей теории ценностей привело к возникновению прикладной аксиологии, которая решает конкретные проблемы человека и человеческого существования. К таким прикладным аспектам аксиологии можно отнести и позитивную логотерапию Виктора Франкла, основанную на философской традиции экзистенциализма (С. Кьеркегора, Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Ж. П. Сартра и др.). Основной вопрос аксиологии – ценности, связан в его теории

с поиском смысла жизни. Такие ценности можно определить как универсалии смысла, конкретизирующиеся в конкретных жизненных ситуациях.

Ценности как продукт человеческого сознания всегда присутствуют в повседневной жизни человека. Но существуют жизненные ситуации, когда человек не находит в своей жизни ничего, что могло бы быть ценным, и постепенно утрачивает смысл своего существования, то есть перестаёт быть жизнеспособным и приходит к страданию, а страдание без смысла, с точки зрения В. Франкла, приводит к отчаянию.

Аксиологический подход органически свойственен и гуманистической педагогике, т.к. человек здесь рассматривается как высшая ценность. Соответственно, аксиология может выступить методологической основой, как классической философии образования, так и современной практике педагогики.

Сторонники педагогической аксиологии (Сластенин В.А.) среди ее приоритетных задач выдвигали разработку ценностных подходов к определению и содержанию образования, в связи с этим мы выдвигаем подход Виктора Франкла.

Педагогическая аксиология специализируется на изучении ценностей в образовании и наличии образования (а значит, предполагает личностное восприятие и обучения, и воспитания как непреходящей ценности). Как отрасль общей аксиологии педагогическая аксиология в центр своего внимания поставила воспитание личностных качеств, в рамках данного исследования ведущим качеством, требующим своего формирования, является оптимизм. Здесь оптимизм – не безудержное веселье, а некая способность человека видеть возможности в самых сложных обстоятельствах жизни, с экзистенциальной точки зрения: в ситуации боли, вины, страдания. Оптимизм как способность находить способы преодоления страдания посредством внутренней духовной

работы: переосмысления прошлого; планирования будущего с опорой на себя и на цель.

Сам Виктор Франкл в своей работе «Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере», писал об этом так: «Без мыслей о завтра нельзя. Человек, «который потерял веру, теряет духовную стойкость; позволяет себе опуститься и стать объектом душевного и физического разложения... Тому, кто больше не видел ни смысла, ни цели, ни стремлений, незачем было переносить ее тяжесть. Он скоро погибал» [59, с. 11].

Методология и методы исследования. Считаем, что подход В. Франкла несколько помогает в выборе ценностных ориентиров, а, значит, – и в выборе смыслов. Подробный анализ его философских трудов позволяет выделить три группы ценностей.

Первая группа. *Ценности творчества* – это такие ценности, которые оставляет человек после себя; виды продукта, результат приложения сил.

Вторая группа. *Ценности переживаний* – это такие ценности, которые помогают воспринимать мир по критериям искусства, природы, истины, любви и красоты.

Третья. *Ценности отношений* – это такие ценности, которые помогают личности взять на себя ответственность за свою жизнь, сохранить чувство собственного достоинства в самых трудных ситуациях, когда невозможно что-либо изменить.

Так, на первом месте в классификации В. Франкла стоят *ценности творчества*, проявляющие себя в продуктивных и результативных действиях, а именно: там и тогда, когда человек занят любимым делом или следует своей жизненной миссии.

Человек оценивает жизнь как миссию. Такая жизнь наполнена поиском возможности выполнить работу, которая воспринимается и *оценивается им как воплощение мечты*: в самом высшем качестве и лучшем виде. На первое место выходит не карьерный рост, а самореализация личности в

творческом труде, реализация себя как неповторимой и уникальной личности. Ценность труда человека здесь определяется ценностью созданных им продуктов. При этом работа не является способом сбежать от состояний внутренней неудовлетворённости и пустоты, названные В. Франклом экзистенциальным вакуумом, а служит основой выбора нравственных ценностей и целью поиска жизненных ориентиров

На втором месте в классификации В. Франкла находятся *ценности переживания*. Сопереживание ценностям искусства превозносит человека, возвышает его, побуждая сопереживать и доходить до духовного экстаза. Ценности переживания, как и ценности творчества, находятся в основе поиска человеком своего жизненного предназначения. Но в отличие от ценностей творчества в классификации ценностей переживания поиск жизненного предназначения находится вне пределов общества: составляет основу внутреннего мира человека, служит внутренним индивидуальным ресурсом личности. Уникальным ресурсом в этом плане становится любовь, как такая ценность, которая выражается в сопереживании другому, сопереживании на духовном уровне. Любовь как ценность переживания является критерием осмысленной жизни и способом реализации жизненных смыслов. Смысл жизни определяется величиим ситуации, величиим одного момента. Но не только. Так, В. Франкл писал: «Наивысший смысл каждого момента человеческого существования определяется интенсивностью его переживания., единичное событие может задним числом наполнить смыслом предшествующее существование» [60, с. 173].

Для понимания природы ценностей В. Франкл считал важным еще один момент: «Ни в творчестве, ни в переживаниях нельзя довольствоваться достигнутым, каждый день требует новых свершений» [60, с. 244].

На третьем месте, по порядку, но не по значимости, в классификации ценностей В. Франкла расположены *ценности отношения* – это судьбоносные ценности, которые позволяют проявить отношение человека к своей судьбе и неизменно остаются с человеком до его последнего момента. Ключевым здесь являются принципы: самоценности жизни, самоценности личности, принцип утешения и принцип опоры на цель. К каждому человеку, находящемуся на вершине мироздания, отведено своё место и миссия, требующие своей реализации. В. Франкл писал об этом так: «Жизнь человеческая имеет смысл до последнего вдоха» [60, с. 175].

В теории В. Франкла ценности – не продукт воображения, не нечто иллюзорное или выдуманное – это смысл каждого момента человеческого существования. Именно подлинная, а не иллюзорная часть личности стремится к смыслу. Ценности не могут быть вымышленными.

Смысл также нельзя выдумать, его следует найти в реалиях, трудностях и страданиях самой жизни. Героика Франкла пересекается с героикой Ницше.

В случае неудач ценности приобретаются по мере накопления жизненного опыта, а в случае успеха – в достижениях.

В целом они выступают как продукт самовыражения личности, но иногда они противоречат ее бытию, и тогда возможность выбирать смысл утрачивается, однако у человека всегда остается возможность обнаружить его. В трудных обстоятельствах жизни человек учится реагировать на запросы бытия не словами, а конкретными действиями; учится нести ответственность за себя и собственную жизнь. И в этом логотерапия Виктора Франкла в корне отличается от психоанализа Зигмунда Фрейда, отстаивающего принцип удовольствия, в котором ценности носят только прикладной характер. Логотерапия Франкла предлагает человеку считаться со смыслообразующими ценностями – такими ценностями, которые побуждают к осознанности и

ответственности. Причем, если в материалистических концепциях смысл жизни определяется в контексте реализации человека в социуме, то в логотерапии В. Франкла ценности и смысл жизни определяются тем, что человек оставляет после себя последующим поколениям. Такие ценности обогащают социальный опыт человечества и даже служат ему в утешение.

Таким образом, именно ценности позволяют человеку: раскрыть смысл жизни; служат внутренним механизмом выбора целей и ответственности за них. Ключевой основой выбора, с точки зрения В. Франкла, является совесть. Другими словами, человек, живущий по совести, умеет определить свои жизненные ценности и следовать им.

В. Франкл определял совесть как «интуитивную возможность человека находить смысл каждой конкретной ситуации»; как единственное средство, которое «схватывает смысловой гештальт» [54, с. 270]; как то, что возникает неожиданно, как побочное следствие правильного, духовно-выверенного действия [58].

В целом ценности выступают как продукт самовыражения личности, но иногда они противоречат ее бытию, и тогда возможность выбирать смысл утрачивается, однако у человека всегда остается возможность обнаружить его. В трудных обстоятельствах жизни человек учится реагировать на запросы бытия не словами, а конкретными действиями; учится нести ответственность за себя и собственную жизнь. И в этом логотерапия Виктора Франкла в корне отличается от психоанализа Зигмунда Фрейда, отстаивающего принцип удовольствия, в котором ценности носят только прикладной характер. Логотерапия Франкла предлагает человеку считаться со смыслообразующими ценностями – такими ценностями, которые побуждают к осознанности и ответственности. Ценности и смысл жизни определяются тем, что человек оставляет после себя

последующим поколениям. Такие ценности обогащают социальный опыт человечества и даже служат ему в утешение.

Таким образом, именно ценности позволяют человеку: раскрыть смысл жизни; служат внутренним механизмом выбора целей и ответственности за них. Ключевой основой выбора, с точки зрения В. Франкла, является совесть: «интуитивная возможность человека находить смысл каждой конкретной ситуации»; единственное средство, которое «схватывает смысловой гештальт» [54, с. 270]; неожиданное побочное следствие [58] правильного, духовно-выверенного действия.

Результаты и обсуждение. Во-первых, *оптимизм В. Франкла можно считать осознанным личностным качеством*, проявляющим себя наиболее полно как подход к преодолению страданий и к реализации ценностей отношений. *Осознанный оптимизм* – это такое отношение, которое позволяет человеку отыскать смысл в сложнейших жизненных обстоятельствах, которые нельзя изменить. *По В. Франклу, страдание без смысла переходит в отчаяние.* Поэтому так важно осознанно не поддаваться отчаянию; такая способность составляет одну из сторон оптимизма. В этом плане осознанный оптимизм В. Франкла можно ещё назвать и трагическим.

Во-вторых, *оптимизм – трагическое качество*, которое личность способна противопоставить страданию без смысла.

Оптимизм В. Франкла можно считать трагическим, поскольку он выступает с позиции наименьшего зла: как визуализация лучшего в самых трудных обстоятельствах жизни; как парадоксальная экзистенциальная вера в то, что даже на пороге смерти найдется спасительный выход; как охранная интуиция, выраженная в аллегорической форме спасительного голоса разума, данного человеку в утешение или духовного ока совести, способного обнаружить уникальные смыслы в каждой конкретной ситуации.

В-третьих, *оптимизм В. Франкла – мужественное качество*, в рамках которого разум способен спасать и утешать. Критический анализ самой трудной ситуации позволяет человеку найти в себе силы, обнаружить личностные ресурсы и жизненные возможности преодолеть страдание.

Оптимизм В. Франкла можно считать мужественным, ведь *разум способен спасать и утешать*. Критический анализ самой трудной ситуации позволяет человеку найти в себе силы, обнаружить личностные ресурсы и жизненные возможности преодолеть страдание.

В-четвертых, оптимизм В. Франкла – *ответственное качество*. Сам Виктор Франкл писал: «Человеческое бытие в своей глубинной основе есть бытие ответственное. Это нечто большее, чем просто свободное бытие: в ответственности содержится еще и «зачем» человеческой свободы – то, ради чего человек свободен, за что или против чего он принимает решение» [60, с. 14-15].

Трагический, и одновременно, осознанный оптимизм В. Франкла выражен в формуле: «Не можешь изменить ситуацию, измени отношение к ней» [60]. Таким образом, осознанный оптимизм связан с внутренней свободой, свободой воли, а в некоторых случаях он сам является ею. «У человека можно отнять все, кроме его последней свободы: выбрать свое отношение к обстоятельствам» [60, с. 18]. Человеческие возможности не ограничены, а человеческие трудности, детские комплексы не имеют значения, если человек знает свой внутренний ресурс, при этом минусы не мешают ему реализовывать свой потенциал и оставаться в плюсе. Таким образом, осознанный оптимизм связан с внутренней свободой, свободой воли, а в некоторых случаях он сам является ею.

Условием воспитания и наличия осознанного оптимизма является внутренняя свобода личности и умение опираться на себя как базовое доверие самой себе,

позволяющее не только ответственно и самостоятельно преодолевать трудности ценой собственных усилий, но и оставлять себе возможность и риск ошибиться. Внутренняя свобода личности – в некотором роде стоическое понятие, а может быть – и критерий йоговской практики, но в любом случае она располагается вне физической, и даже вне психической сферы личности. У человека есть третья духовная сторона, относимая В. Франклом к ноэтической сфере: *«ноэзис» с греческого, – значит, дух понимается как воля, как сила духа.*

В связи с этим осознанный оптимизм В. Франкла представляется нам как возможность человека в ноэтическом измерении (не с помощью инстинктов и сиюминутных реакций; не с помощью обстоятельств или трудностей) определять свою жизнь: понимать и чувствовать ее, как он живет, как будет жить; нести ответственность, справляться с трудностями и преодолевать страдания. В этом плане другой ценностно-смысловой стороной осознанного оптимизма является способность человека достойно преодолевать или переносить страдания. Сохранение чувства собственного достоинства требует от него мужества и ответственности в соответствии с древнегреческим принципом, на который опирался В. Франкл: «Если не я, то кто? Если не сейчас, то когда?» Апелляция к чувству собственного достоинства обладает мощным воспитывающим эффектом.

Заслуга В. Франкла состоит в том, что в своей теории он обосновал присутствие ценностей в неустойчивом мире. Он предложил человеку ориентироваться на внутренние ресурсы, надеяться на себя, осознанно выстраивать свою жизнь, опираясь на цель. Когда-то В. Франкл писал, что погибал тот, у кого не оставалось в жизни ни желаний, ни целей, ни интересов. При этом В. Франкл не отрекался от трансцендентальной основы мира, но рассматривал её в другом ракурсе, обосновывая возможность уникальных смыслов.

Уникальные смыслы создают основу аутентичного, подлинного существования человека, которое не сводится к биологическому существованию, а скорее определяется его ноэтическим («нус» – греч. «разум») разумным, духовным измерением.

В разумном подходе Виктора Франкла к негативным реалиям жизни мы усматриваем основы формирования сильной личности, способной путем опоры на себя, на цель, на добродетели, на свои ценности и нравственные ориентиры определить для себя методику преодоления страдания.

Раскрывая педагогическое содержание философского подхода В. Франкла, выделим несколько приемов преодоления страдания, среди них следующие:

1) апелляция к чувству собственного достоинства: «Если не я, то кто?»; «Если не сейчас, то когда?» *Апелляция к чувству собственного достоинства* – сильный педагогический принцип, который обладает мощным мотивационным и воспитывающим эффектом;

2) *техника самодистанцирования* как возможность посмотреть на себя со стороны и отделить себя от страдания;

3) *техника парадоксальной интенции (парадоксального намерения)* как возможность преодолеть страх путем сократовского диалога, самоиронии или доведения переживания страха до абсурда, пациенту предлагают совершить действие, которое вызывает страх. Суть состоит в том, чтобы не запрещать себе испытывать страх;

4) *техника дерефлексии* (как прием, противопоставленный бесцельному самокопанию) техника переключения внимания от себя и собственных трудностей на другого человека и на то, что он сам может воплотить в окружающем его мире;

5) *техника «медицинского пастырства»*, выраженная в помощи людям по обретению смысла. Существенная часть логотерапии В.Франкла состоит не в устранении страдания, а в установлении определенного смысла страдания, которое,

либо надо философски принять, либо наметить строгую линию и стратегию выхода из страданий.

В заключение сказанному, отметим, соглашаясь с В. Франклом, что «какую методику и технику предпочтем, зависит не только от пациента, но и от врача, поскольку различается не только реакция пациента, который не на все методы одинаково хорошо реагирует, но и способность конкретного врача пользоваться той или иной методикой. Моим студентам я преподношу эту мысль в виде формулы: $f = x + y$. То есть выбор (О конкретного метода лечения определяется двумя факторами, которые можно установить только с учетом уникальности и неповторимости пациента, а также уникальности и неповторимости врача» [55, с. 4].

Новизна подхода Виктора Франкла состоит в его представлении о человеке как о духовной сущности, сильной и готовой к ответственности; мужественной и готовой к преодолению; свободной, но готовой к сотрудничеству и ориентации на других; достойной своих страданий, но готовой их преодолевать. При этом:

1) у человека всегда есть возможность находить смыслы, в том числе и – в страдании;

2) у человека всегда есть возможность выбора: он может сохранять и охранять свое достоинство в страдании и в выборе путей его преодоления;

3) у человека всегда есть возможность оставаться мужественным. Возможно, следует допустить, что страдание необходимо человеку, поскольку несет в себе функцию катарсиса, очищения, переосмысления и наполняет жизнь смыслом, делая ее более полной. В своей книге «Человек в поисках смысла» В. Франкл писал о том, что «человек может сохранить остатки духовной свободы и независимости мышления. Даже в условиях крайнего психического и физического напряжения человек обладает достаточной силой воли и свободой выбора, чтобы соткать из тонких нитей своей

изломанной жизни прочную картину смысла и ответственности» [60, с. 62];

4) у человека всегда есть возможность быть ответственным, пусть даже с некоторым риском ошибиться.

Трагический оптимизм В. Франкла, мы понимаем, как умение в череде тяжелейших обстоятельств жизни воспринять их не как непреодолимую трудность, а как череду вызовов и вопросов, на которые надо достойно отвечать.

Трагический оптимизм В. Франкла основан на чувстве собственного достоинства человека, его осознанности и ответственности за себя и принятые им решения; за свою внутреннюю свободу выбирать отношение к страданию. Такой оптимизм парадоксален и экзистенциален одновременно, что важно в педагогическом плане: ему можно научиться, обретая смыслы и преодолевая трудности, то есть, опираясь на себя в мире, лишенном опоры, и сохраняя равновесие в постоянном духовном разумном движении и позитивном изменении, обретая себя и жизненные смыслы.

2.2. Оптимизм в педагогической атмосфере дома и семьи (концепция Отто Фридриха Больнова)

Научно-технический прогресс и многомерность современного бытия диктуют новую точку зрения на человека с позиции его мировоззренческого познавательного поля. В педагогической проекции человек требует рассмотрения себя в контексте своего формирования и подготовки к жизни. В настоящее время наблюдается рассогласование между потребностью общества в новых духовно-нравственных ориентирах в многомерном обществе, основанном на сложном балансе интересов, переоценке всех ценностей и поиске теоретических оснований педагогики (в философии, этике, аксиологии).

В рамках данных предварительных заключений актуальность нашего исследования исходит из противоречий:

– между идеальной целью педагогики, исходящей из необходимости повышения профессионального педагогического мастерства, и формальным подходом в воспитании;

– между насущной потребностью ребёнка в защите взрослых и защитном воспитании в условиях суровой реальности и отсутствием стремления педагогов создавать атмосферу защищенности путём внимательного взгляда, доброжелательного отношения, тихой улыбки в условиях массовой школы;

– между теорией радости познания и наличием её в виде провозглашенного лозунга в образовательной практике;

– научное осмысление и практическое допущение нравственных аспектов в процессе обучения способствует не только решению данных противоречий, но и осознанию личностных смыслов преподавания и учения.

Необходимость решения данных противоречий побуждает к поиску методологических оснований, теоретических подходов и практических выходов в философско-педагогической антропологии; философии жизни, экзистенциальной педагогике, которые сдержат современную педагогику от излишней механизации и психологизации; направят педагогов по пути научного понимания и практического применения нравственных законов педагогики как науки и образовательной практики.

В качестве такого методологического основания современной педагогики, ориентированной на помощь в осознании смыслов в педагогической и учебной деятельности мы предлагаем экзистенциально-антропологический подход немецкого философа и педагога XX века – Отто Фридриха Больнова. Его идеи не содержат прямого выхода в образовательную практику, но оказывают большое влияние на педагогическую мысль России, Европы и мира в целом.

Цель – раскрыть педагогическую сущность феноменов: «доверия», «надежды» и «завтрашней радости» в

образовательном пространстве на основе антропологических идей немецкого философа и педагога Отто Фридриха Больнова.

В данном параграфе мы исходим из предположения о том, что «завтрашняя радость» – это комплексное профессиональное чувство и личностное качество учителя-профессионала, которое возможно укрепить в атмосфере защищенности. В доказательство этому мы приводим основные концептуальные положения антропологического подхода немецкого философа Отто Фридриха Больнова.

Немецкий философ и педагог Отто Фридрих Больнов [5;33] является автором *позитивного* экзистенциализма, в котором преобладают оптимистические и педагогические аспекты. В позитивном экзистенциализме, в отличие от классического, жизнь воспринимается как мир ценностей, который состоит не только из «тоски» и «ничто», но еще и из движения, из постоянной изменчивости человека и мира:

- от тоски к радости;
- от человека как «ничто» к его полноценной жизни как бытию;
- из «соревновательной радости, проблемы и игры» [15].

Научное становление идей Отто Фридриха Больнова начинается с двух направлений философии жизни: экзистенциализма и герменевтики. Здесь «характеристики жизни меняются местами» [15, с. 36]. В экзистенциальной философии О. Ф. Больнова привлекательным остаётся «трагизм жизни» [13, с. 160]. В герменевтике – интерпретация духовных понятий, «расширяемая Больновым до герменевтической теории познания» [74, с. 92].

В свою очередь, идеи «защищённости», «настроений счастья», «благоговения перед жизнью» [75, с. 43-44] О. Ф. Больнова оборачиваются философской антропологией, которая продолжает объединять в себе: экзистенциализм и

философию жизни, «жизнеутверждающую философию» и «позитивный экзистенциализм» [39, с. 20].

Герменевтика и антропология в действии представляют собой практическую философию в понимании немецкого философа.

Его подход (как философско-антропологическая интерпретация основных феноменов жизни) представляет научный интерес в поиске решения педагогических проблем и вопросов воспитания тем, что жизнь осмысливается здесь с позиции «оптимистичного» экзистенциализма, согласно традиционным понятиям которого в жизни есть место не только для: страха, отчаяния, трагизма и движения-к-смерти, но ещё и для – доверия, надежды, «соревновательной радости, проблемы и игры» [14].

В условиях суровой реальности современного мира и при отсутствии внешней опоры у человека в нём возникает необходимость открытия радости бытия и актуальности наращивания собственной нравственной силы, «силы вновь обрётённой веры» и «новой пробуждённой верорасположенности», открытия возможностей выстраивания траектории собственной жизни и выстраивания, созидания новых жизнеутверждающих ценностей: мужества, благородства, воли и силы духа!

От осознания неустранимости, непрочности и хрупкости своего бытия, но при наличии духовно-нравственных ценностей и смысла самой жизни; при отсутствии конкретного внешнего образа надежды на спасение, но при наличии успокаивающей внутренней уверенности человек приходит к надежде на собственные силы и -к доверию собственной судьбе. Тогда внешний пессимизм сопровождается внутренним иррациональным оптимизмом.

Экзистенциальные основы такого отношения к суровым реалиям жизни содержатся в подходах неклассической философии представителей иррационализма (Шопенгауэр [64]; Ницше, [41; 42]; Шеллер, [64]; Франкл, [62])

и создают педагогические предпосылки появления концепции трагического оптимизма.

Результаты исследования. Педагогика Больнова трактуется на тонком экзистенциально-психологическом уровне: где от греческого: «пайд» – дитя; а «аго» – вести. Педагогика – своего рода детяведЕНИЕ, а точнее – экзистенциальное взаимодействие между людьми. И здесь обнаруживается экзистенциализм позитивной оптимистической направленности: человек не остаётся в изоляции и одиночестве, он оказывается вовлечённым в разнообразие и динамику самой жизни со всей палитрой чувств и отношений, взаимодействий и нравственных сил, что составляет своеобразную позитивную этику Отто Фридриха Больнова, необходимую в воспитании.

Сами отношения заимствованы Больновым из философии жизни больше, чем из экзистенциальной философии. Так, за основу взаимодействия взято доверие к миру и надежда, а не мрачные настроения: страха, отчаяния, скуки и тоски, свойственных экзистенциализму. Страдание сменяется принятием и творческим усовершенствованием собственного бытия. Акценты самого бытия перемещаются с понятия: «Что» на понятие: «Как», что так свойственно философии жизни; а сам человек от: «Я-мыслящего» – к «Я-волящему» – к «Я-любящему»; от цели – к её реализации; от способности к выбору – до предвидения.

Вслед за Максом Шеллером мы утверждаем, что сущность человека не только в мышлении, волении, но и в любви! Принятие ценностей происходит на основе участия ребёнка в бытии, основанном на любви!

В рамках нашего исследования привлекательно то, что Больнов как родоначальник философской антропологии «привязал» философию жизни к реальному самочувствию человека. И эти идеи шли в противовес философии Мартина Хайдеггера [63], Карла Ясперса [67] и другим экзистенциалистам. Свойственные им настроения «страха и

отчаяния», «тоски и скуки», «движения-к-смерти» в переработке Отто Фридриха оказались не такими тотальными, а сама жизнь могла оказаться долгой. В рамках философии жизни прослеживается важный воспитательный момент – проповедь надежды!

Надежда – ключевое понятие философии О. Ф. Больнова. Надежда – это не безопасность, это помогающая основа, позволяющая преодолевать страх и отчаяние. *Надежда – это позиция человека в момент опасности.* Это неудобная позиция напряжения, лишаящая человека своеволия. И, если надежды рушатся, то их следует восстанавливать с доверием к миру.

Даже если надежды рушатся – жизнь развивается в игре. В антропологическом аспекте под воспитанием понималось не только взаимодействие между людьми, но и обновление общества. Другими словами, в любом человеческом контакте содержится воспитание, идёт педагогический процесс! А что же в процессе обучения? Здесь в педагогике О. Ф. Больнова главенствует герменевтико-гносеологическая направленность, согласно которой любое познание человека происходит посредством его личного опыта.

С точки зрения Больнова, детей следует учить спокойному осознанию настоящего: так, в кризисной ситуации следует учить быть готовым к трудностям, точнее – к их преодолению. Первоначально и постепенно такое отношение формируется в семье в пространстве доверия и ясности, в семье – как «на острове защищённости» и «новой укрытости» [12].

В рамках философии жизни оптимизм как живой и подвижный навык принимает разные формы и трансформируется: в мечту, в борьбу, уверенность, надежду на собственные силы, смирение, доверие собственной судьбе, в принятие неизбежного как данности.

Оптимизм в трактовке О. Ф. Больнова – чувство защищённости, чувство застрахованной безопасности с позитивным вектором: безопасность здесь не от чего-то, а в чём-то; чувство, которое первоначально воспитывает семья.

«Педагогическая атмосфера» Отто Фридриха Больнова – атмосфера защищенности и любящего присутствия

Дом – это пространство доверия к миру и место безопасности. Дом – это не только место проживания, но и отражение жизни, установление собственного жизненного порядка, несущего ощущение защищенности. Дом – своеобразная организация жизни конкретного человека, соотнесенная с внешним миром. «Мать своей любовью и заботой создаёт для ребёнка пространство доверия, надёжности и ясности. Всё, что внутри, становится принадлежащим ему, полным смысла, живым, дорогим близким и доступным» [15, с. 19]. «Человеческое пространство – сакрально. Оно строится по модели храма» [15, с. 114].

Семья – «остров безопасности», ограждающий ребёнка от суровой реальности, но ровно до тех пор, пока он не откроет в себе возможности и не воспитает способности самостоятельно противостоять ей.

О. Ф. Больнов понимал и трактовал семью как «остров безопасности», который давал основу для воспитания умения противостоять трудностям жизни: «мать своей любовью и заботой создает для ребенка пространство доверия, полное «смысла, живости и любви» [15, с. 19].

Любовь матери образует определённую педагогическую атмосферу в семье, защитное пространство доверия, в рамках которого ребёнок оказывается вовлечён в безопасность. Не последнюю роль в её создании играет такое качество хорошего воспитателя как жизнерадостность. В одноимённой книге: «Педагогическая атмосфера» [14;69] Больнов даёт подробную характеристику жизнерадостности как воспитывающей силы.

О. Ф. Больнов отмечал, что первоначально *жизнерадостность матери* – это задор молодости, который сменяется тихой и просветлённой радостью зрелости. Зрелости сопутствует спокойная жизнерадостность, которую сопровождает доброе дистанцирование, позволяющее взглянуть на ситуацию со стороны. *Умудрённое дистанцирование матери* иногда имеет право поддержать своим спокойствием и умудрённым опытом; полезно оно и для поощрения уверенности, хорошего настроения и радости жизни.

Любовь матери к своему ребёнку не позволяет ей облечь свою жизнерадостность в форму холодного дистанцирования. С годами жизнерадостность матери сохраняется, но становится спокойствием зрелости, обеспечивающим защищённость ребёнка, пробуждающим и в нём спокойную радость и уверенность.

Такая просветлённая радость рождается в тишине и на основе многих раздумий, сопровождается тихой улыбкой и проявляется заботой, а укрепляется в борьбе матери с трудностями жизни и становится глубинным феноменом воспитания внутреннего спокойствия и уверенности ребёнка. Результатом защитного воспитания на основе радости матери является чувство завтрашней радости у её детей.

Завтрашняя радость – это способность построить свою жизнь на основе *мечты*. По словам Больнова: «Человек всем сердцем обращён к будущему, которому радуется и ждёт как красивую полноту жизни» [15, с. 35]. Радостная устремлённость в будущее не исключает приложения сил и поиска возможностей по её воплощению. Завтрашняя радость – связующее звено между настоящим и будущим.

В педагогической антропологии Отто Больнова завтрашняя радость выступает необходимым педагогическим условием воспитания оптимизма, после чувства защищённости. Чтобы подход к ребёнку с завтрашней радостью не закончился разочарованием и отчаянием следует

осуществлять заботу о младших. В этом состоит главная педагогическая задача и защитная функция воспитания. Важным педагогическим условием в этой связи становится жизнерадостность как способность матери дать ребёнку основание для надежды, которая у взрослых служит пробуждением после многочисленных разочарований.

Просветлённая радость – такое качество, которое сопровождается внутренним спокойствием, тишиной и заботой; проявляется в тихой улыбке мудрого наставника. Просветленная радость этим и отличается от шумного задора юности. Мудрая просветленная радость всегда тиха потому, что является результатом многих раздумий и преодолений. Это побочный продукт спокойствия зрелости, которая становится щитом для неокрепшей юности.

Просветлённая радость отнесена О. Ф. Больновым к педагогическим качествам, основывается на чувстве внутреннего равновесия и уверенного спокойствия, позже становится основой доброму воспитывающему юмору.

Просветленная радость как педагогическое качество становится составляющей защитного воспитания как атмосферы тишины и заботы – педагогической атмосферой дома и семьи.

Подробно о качестве просветленной радости Отто Фридрих Больнов писал в книге «Педагогическая атмосфера» [69]. Просветленная радость характерна для зрелой личности, которая способна поддержать неокрепшую личность ребенка, придать ей спокойствия и уверенности. Зрелая, умудренная, просветленная радость позволяет наставнику по-доброму дистанцироваться от жизненных невзгод, для того чтобы взглянуть на них со стороны и по-новому отнестись к ним без ярких эмоций и на основе разумного подхода к жизни с целью их дальнейшего преодоления.

Спокойствие и умудренный опыт просветленной радости придает неокрепшей личности уверенности, поддерживает в трудностях, бережет от разочарований.

Наряду с качеством – просветленная радость, профессиональным качеством педагога выступало доверие.

Доверие – одна из форм личной внутренней готовности растущего человека к возможным катастрофам и встрече с самой смертью, формируемая первоначально в условиях защищённости семьи, а затем – и в условиях ненадёжности и безосновности бытия, которое, безусловно, признают экзистенциалисты. Доверие – хрупкое благо, способное возвысить человека над отчаянием и страхом; первоначальное условие выживания и смысла. Доверие также – одна из форм педагогической веры в ребёнка и его возможности. Изначальное доверие ребёнка к матери порождает у него желание быть воспитанным, *послушным и благодарным*.

Послушание – качество, которое возникает из чувства признательности и благодарности матери как воспитателю и основывается на способности ребёнка как воспитанника выполнить педагогические требования.

Благодарность – качество, которое возникает из чувства признательности матери за жизнь в целом, за поддержку и защиту, и основывается на способности ребёнка бороться и преодолевать возрастные, учебные и другие жизненные кризисы. Благодарность существует как чувство признательности за жизнь вообще, за то, что есть, людям, оказывающим поддержку и защиту. Чувство признательности побуждает ребёнка к осознанию себя как части целого – части семьи.

Первоначальное доверие человека к миру воспитывается в семье, затем оно становится важным педагогическим качеством.

Первоначальное доверие связано с педагогической верой в ребенка и его возможности, а с благодарностью связано послушание, понимаемое как признательность педагогу, проявляющая себя в способности ребенка выдержать жизненные испытания, личные трудности и учебные экзамены перед уважаемым лицом и быть им признанным.

Первоначальное доверие человека к миру воспитывается в семье, затем оно становится важным педагогическим качеством.

Дополняло список качество жизнерадостности, чувство завтрашней радости [69].

Термин «завтрашняя радость» традиционно закреплён за отечественным педагогом А. С. Макаренко. Однако в немецкой экзистенциальной философии О. Ф. Больнова он также присутствует. Дело в том, что в России он малоизвестен в силу недостаточности переводных изданий его произведений.

«*Завтрашняя радость*» – позитивное чувство устремленности в будущее; *мечта*, на основе которой строится жизнь, если дополняется усилиями по ее воплощению. Это чувство служит подтверждением чувству защищенности. Завтрашняя радость имеет двойственную природу: с одной стороны она устремлена в будущее, а с другой – связана с настоящим моментом, поскольку реализуется в соответствии с экзистенциальным принципом: «Здесь и сейчас». «Человек живет в быстротечности момента, приходящего настоящего, но в то же время он всем сердцем обращен к будущему, которому радуется и ждет, как красивую полноту жизни» [69, с. 35].

На основе чувства завтрашней радости выполняется первое педагогическое условие – *забота о младших*. При выполнении данного условия подход к ребенку с завтрашней радостью не окажется лишенным оснований.

Вторым педагогическим условием в данной связи является придание ребенку *оснований для надежды* и поиск надежды в череде разочарований. При выполнении данного условия реализуется ключевая функция защитного воспитания.

Кроме любви матери, доверия, благодарности и послушания, к педагогическим качествам Отто Больновым были отнесены: доброта, надежда, ответственность, терпение.

Терпение – форма надежды на будущее, которая является «строительным материалом человеческой души» [15, с. 61].

Ответственность – еще одна форма надежды на будущее, которая формируется на основе терпения и принятия ситуации. Ответственность можно трактовать как присутствие духа, как уверенность в условиях крайней опасности.

Педагогическое терпение принимает форму надежды на будущее.

Надежда является «строительным материалом человеческой души» [69, с. 61]. В условиях ненадежности и безосновности бытия, которую, бесспорно, признают экзистенциалисты, в условиях постоянной внутренней готовности к возможным катастрофам и к встрече с самой смертью, человек способен не уклоняться от одних неизбежных опасностей будущего; но суметь выстоять, сохранив чувство собственного достоинства, суметь почувствовать необъяснимую, таинственную, присутствующую уверенность в условиях крайней опасности. Это также оптимизм, который формируется на основе терпения.

Благодарность, терпение, доверие, утешение и надежда – в условиях опасности человека защищает, зная и признавая их как собственные ценности, человек способен начать жить подлинно, аутентично; опираться на них в условиях ненадежности и безосновности бытия.

Данные качества могут служить ключевыми ценностями личности. Так, например, любовь матери, терпение и благодарность, ответственность и доверие позволяют человеку выстраивать свою жизнь как дом, как храм, как пространство доверия и собственной безопасности на основе мечты, борьбы и смирения.

На основе философско-исторического анализа, размышления, педагогической интерпретации, исторической дискуссии и синтеза антропологических идей Отто Фридриха

Больнова мы выявили методы воспитания «доверия» и «завтрашней радости» в атмосфере защищенности, к ним мы можем отнести:

- сопереживание, интуитивное понимание, размышление и объяснение; феноменологическое описание переживания радости;

- повторение радости прошлого путем самоинтерпретации;

- переосмысление негативного опыта путем интуитивной его переоценки и позитивной интерпретации;

- разумное *доверие* к себе.

Описывая чувство включённости в безопасность, которая возникает только в защитном окружении дома и в любящей семье, О. Ф. Больнов вводит в научный оборот термин «педагогическая атмосфера» [14].

Для детального описания чувства защищенности и включенности в безопасность О. Ф. Больнов использовал термин «педагогическая атмосфера» [15], которая установлена среди любящих людей и способствует самопознанию, преодолению и достижениям.

Так, постепенно, путём осознания хрупкости своего бытия и неизбежности собственных ошибок человек убеждается в правильности избранного пути и цели и приходит к спокойной уверенности и надежде. Надежда, в свою очередь, исходит из возможностей самого человека и его доверия к собственным силам. «Сила вновь обретенной веры» и «новая пробужденная верорасположенность» открывают перед человеком возможности выстраивания собственной жизни, которая со стороны выглядит как построение нового бытия.

В ситуации преодолимых трудностей человек учится доверять своему будущему, даже если сам еще не обрел свои духовные ценности и не опирается на них, да и сама жизнь поначалу не дает на это никаких веских оснований – нет даже образа надежды на спасение.

Возникает закономерный вопрос: «В чем и где скрыты источники доверия человека к миру?» На основе философского анализа и педагогической интерпретации идей Отто Фридриха Больнова мы приходим к выводу, что силы для собственной уверенности и надежды в самых сложных обстоятельствах жизни человек черпает из самого детства. Источником уверенности и надежды служит *«педагогическая атмосфера»* – защитное окружение родного дома и семьи, которое зиждется на любви матери к своему ребенку. Чувство защищенности и застрахованной безопасности воспитывается в семье. Отметим, что эта безопасность и защищенность с позитивным вектором: она существует от чего-то; она проявляет себя в чем-то.

Обсуждение результатов исследования. Философская педагогика Отто Фридриха Больнова дополняет классическую педагогику, но вместе с тем и существенно отличается от нее, прежде всего, в том, что в отличие от стабильных воспитательных процессов изучает нестабильные формы кризиса, рассматривает воспитание как событие и встречу, которые характерны для экзистенциального и феноменологического подхода в философии. На указанных подходах строится вся философская педагогика Отто Фридриха Больнова. Философское в ней то, что такая педагогика признает за человеком безусловную незащищенность, случайную заброшенность в мир и одиночество. Педагогическое в такой философии: требование от педагога способности выстроить «новое убежище, чувство новой укрытости», воспитываемой на понятии доверия. Эта философия актуальна для современного человека, живущего в атмосфере духовной потерянности и всеобщей незащищенности, осознания человеком пределов своего бытия, сопровождаемого страхом.

Данный страх преодолевается собственной решимостью личности, точнее, «бегством в решение», по словам самого Отто Больнова: «бегством в надежду обрести

решение». Красной нитью философии защищенности и содействия будущему у О. Ф. Больнова становится решимость. Решимость проявляет себя способом противодействия самовластию судьбы, способом открытия собственной *свободы духа* и раскрытия чувства сопричастности миру в сторону движения к своей подлинной сущности.

Философия защитного воспитания Отто Фридриха Больнова основана на оптимистической, по своей сущности, картине немецкого идеализма, служащего методологическим основанием всей педагогики XX века, на которой строился образ нового человека как цели воспитания.

Педагогическое содержание и практический смысл экзистенциальной философии Отто Фридриха Больнова строятся на ключевых идеях: воспитания духовной стойкости личности в неустойчивом мире; воспитания человеческой способности «зацепиться за мир когтями», обрести уверенность и внутреннюю опору в себе самом. Двигаясь к своей подлинности, человек, по мнению О.Ф. Больнова, ощущает в себе чувство потерянности и безмерности и при этом возвращается к самому себе со всей своей способностью быть и оставаться самим собой. Путем «обуздания иррациональных сил» [13, с. 48] человек становится самим собой.

Педагогический смысл феномена «завтрашней радости» обнаруживается в перспективе поворота, возвращения человека к самому себе; а также в перспективе преодоления страха ошибиться в завтрашнем дне с опорой на себя; в его порыве и прорыве к завтрашней радости, в прыжке веры вперед и выше; в движении от незнания к знанию. «Эта возможность повторного начинания составляет глубокую сущность человеческой жизни» [13, с. 123; 15, с. 49]. Такой «героический пессимизм» раскрывает смысл «доверия» человека к самому себе и своему будущему.

Полагаем, философское рассуждение и педагогическая интерпретация феномена «завтрашней радости» в зарубежной

философской традиции способствуют адекватному пониманию глубин мировой философской мысли и обогащают отечественную педагогику новой методологией.

Подход Отто Фридриха Больнова изначально строился на идеях экзистенциальной философии, согласно которой за человеком признавалась *безусловная беззащитность*, заброшенность и одиночество. Исходя из этого, для человека, живущего в атмосфере духовной потерянности и с чувством всеобщей беззащитности, открываются пределы бытия и охватывает страх, О. Ф. Больнов считал актуальным воспитание умения выстраивать «новое убежище, чувство новой укрытости» [15, с. 48], воспитываемой в пространстве доверия дома и семьи.

По мере взросления преодоление данного страха происходит самостоятельно и пробуждается решимостью, точнее, «бегством в решение», по словам самого Отто Больнова, в надежде обрести решение.

Осью всей философии защищённости и содействия будущему Отто Больнова становится *решимость как способ противодействия беззащитности*, как способа противодействия самовластию судьбы, как способа открытия собственной свободной силы духа и раскрытия чувства сопричастности миру в сторону движения к своей подлинной сущности.

Семья дает ребёнку «новую укрытость», обеспечивая «защитное воспитание». Воспитание в семье понимается как движение «от экзистенциально угнетающего переживания обнаженности человеческого существования к новому чувству укрытости» [12, с. 141].

Решение проблемы новой укрытости и «защитного воспитания» в семье возможно в двух аспектах: онтологическом (окружение и мир дарит ребёнку чувство укрытости) и этическом (чувство укрытости возникает на основе самообладания и внутреннего нравственного усилия – *решимости или силы духа*).

Анализу этических и социальных основ безопасного бытия с точки зрения семейной педагогики О. Ф. Больнова посвящены работы О. М. Ломако – этот современный философ доказала, что философия О. Ф. Больнова является новым позитивным оптимистическим экзистенциализмом, а в понятие «новая укрытость» входят категории: «родина, надежда, благодарность, праздник» [36].

В опасной ситуации человек не чувствует «укрытость» – он чувствует себя без родины, без дома, без семьи. Это судьба экзистенциального человека – быть одиноким! Образ вечного странника не придаёт человеку уверенности и защищённости! Больнов предполагает, что страх как экзистенциальное состояние сменяется чувством уверенности, если ребенку обеспечить благоприятную педагогическую атмосферу защищённости в доме, в семье. И в этом его позитивный экзистенциализм. Семья обеспечивает кров и дом, но ещё и новую укрытость – чувство безопасности и отсутствие страха, вины, тоски, движения-к-смерти.

Страх перестаёт быть принципом мироощущения и тогда новая укрытость (уверенность, надежда, благодарность – всё, что обеспечивает силу духа) приходит в основу оптимистическому мироощущению.

По мнению Г. А. Новичковой, Больнов внёс в современную педагогику новые понятия-феномены, такие, например, как: кризис и встреча. Кризис свидетельствовал о том, что педагогический процесс требует обновления и может быть прерывистым. Кризис способствует его преодолению, в результате которого формируются новые качества личности. Сам ребёнок становится вовлечён в развитие воли, чувств и отношений. В целом педагогика Больнова имеет ярко выраженный нравственный характер. Отдельного внимания заслуживает развитие нравственных чувств и ответственного отношения. Цель педагогики – научить сопротивляться трудностям, «в выработке способности противостоять внешнему миру, в сохранении личной свободы» [40, с. 156].

Мы считаем, что основное понятие философии и педагогики О. Ф. Больнова – «надежда». Речь идёт о преодолении чувства опасности, беззащитности страха, отчаяния в условиях суровой реальности современного мира и о создании в педагогическом процессе «новой защищённости».

Надежда и «чувство завтрашности» – два типа позитивного ожидания. Так, если надежда – это ожидание чего-то позитивно-неопределённого, но потенциально-возможного, то завтрашняя радость – целеустремлённая готовность, побуждающая к немедленной реализации задуманного. Сам философ относит надежду и радость к тем настроениям, которые создают возможность воспитания: педагогическую атмосферу. Следует обратить внимание на трактовку данных настроений. Это не головокружительное стремление к будущему, это настоящее, наполненное перспективами и возможностями: радости, праздника, «утреннего пробуждения», «завтрашней свежести». «В качестве настроения предвкушения» данные настроения «выступают предварительным условием воспитания» [16, с. 48].

Как видим, Больнов предложил интерпретацию феноменов надежды и радости как фундаментального настроения, задававшего основной духовный тон жизни общества в целом и педагогической атмосферы защищённости, в частности. Настроения обладают воспитывающей силой, поскольку формируют отношение человека к себе и миру. Среди них: благодарность, доверие, любовь, послушание, уважение. Каждое из этих чувств вырастает до отношения к учителю. «Самое главное – позволить ребёнку расти в благоприятной обстановке» [33, с. 58].

Особо отметим, что педагогика долгое время развивалась в рамках философии и основные педагогические идеи не выходили за пределы философского знания. Идеи

Отто Фридриха Больнова составляют и философскую, и педагогическую основу нового знания об оптимистическом подходе к человеку.

Философия Отто Фридриха Больнова определяет базис и теоретический багаж педагогического знания. На философской основе практическая педагогика формирует ценностную картину воспитания. В данном исследовании обозначен ценностно-личностный аспект педагогики. Этот аспект исключает механическое педагогическое воздействие, а предполагает целенаправленное воспитывающее взаимодействие живых участников образовательного процесса с учётом их целей, мотивов и интересов. Растущая личность воспринимается и понимается как пластичное существо, готовое расти и развиваться, изменяться и допустить возможность позитивного совершенствования! в контексте своего существования. В процессе своего формирования растущая личность показывает свои силы и возможности быть такой, какой способна быть через какое-то время, а педагог воспитывает её, исходя из позиции завтрашней радости.

Воспитание – особый вид духовного планирования со стороны педагога, который воспринимает ребёнка не с позиции сущего, а с позиции должного. Без веры в возможности, скрытые в растущей личности, без надежды и доверия воспитания не существует. Духовное планирование позволяет педагогу увидеть внутреннюю дистанцию между Я-реальным и Я-идеальным ребёнка. Позиция разделения Я-реального и Я-идеального позволяет педагогу осуществлять антропологический подход в воспитании и учитывать антропологическую природу ребенка. Педагогические условия оцениваются не с позиции реальной действительности, а с позиции внутренних возможностей растущей личности.

Педагогика Отто Фридриха Больнова складывалась на фундаменте немецкой философии жизни и критике

французского экзистенциализма (Ж.-П. Сартр, А. Экзюпери и др.)

Философ оперировал ключевыми экзистенциальными понятиями: «кризис» и «встреча». Кризис трактовался в его воспитывающем позитивном значении как «духовное обновление»; «омоложение»; как «новое начало» жизни [68, с. 43]. Исходя из антропологической природы растущего человека, Больнов считал, что критика и кризис побуждают человека выйти из него обновлённым, осуществляя переход от несовершенства к зрелости. В целом педагогика трактовалась как движение к изначальным силам человека, а воспитание – как обновление. Больнов справедливо считал, что «жизнь не может состоять из одних только кризисов» [12, с. 140]

Специфическим проявлением кризиса выступила встреча. Встреча несла в себе не только воспитательный потенциал, но и риск неудачи взаимодействия с другими. Преодолевая кризисы, человек искал свою экзистенцию, которую Больнов понимал как внутреннюю опору человека при отсутствии опоры в мире. Встреча давала возможность диалога и взаимодействия, где каждый делился своими переживаниями как опытом, который пережит и лёг в основу внутренней опоры как духовно-нравственного стержня человека.

В целом идеи О. Ф. Больнова как основателя философской антропологии позволяют выявить ряд педагогических положений:

- личность ребёнка самоценна, уникальна и самобытна. Человек – субъект: носитель чувств, воли и отношений;
- формируя личность субъекта, педагог может только создавать благоприятные условия для её дальнейшего развития в деятельности;
- воспитание – процесс обновления личности, которая проходит через кризисы и встречи;
- кризис и встреча обладают воспитывающим потенциалом в момент становления Воли растущего субъекта;

– воспитание силы духа побуждает человека к пониманию того, что нужно пройти через опыт духовного кризиса, но нельзя остаться в нём!;

– воспитание – это процесс движения по пути «обновления» от кризиса к кризису; от встречи к встрече (по пути взаимодействия), по пути от экзистенциального угнетенного состояния и переживания незащищенности человеческого бытия к новому чувству защищенности;

– содержательная идея воспитания состоит в следующем: свободное творческое развитие растущей личности возможно на фоне благоприятной педагогической атмосферы;

– «Отличие детского существования, – писал Больнов в своей книге «Новая укрывость», – состоит в том, что ребёнок живёт в мире бесспорного доверия, восстанавливающего себя после потрясений, в то время как взрослый должен добывать доверие в борьбе» [12, с. 14];

– «надежду можно определить во временном ракурсе: как доверие к будущему; благодарность – как доверие к прошлому» [12, с. 19], то есть надежда – временной аспект доверия, «первичное временное устроение человеческой жизни определяется через надежду» [70, с. 113];

– в онтологическом аспекте дом – оберегающее пространство. Жить – значит, строить (дом) и создавать (его пространство).

Метафизика родительского дома, дарящего «новую укрывость» в экзистенциальной философии предполагает методологию строительства как творческого воспроизводства мира, в котором время служит «строительным материалом»; становится управляемым и перестаёт быть пугающим, вызывающим страх. Время можно остановить, повернуть вспять к началам. «Родительский дом – начало начал. Он в жизни – «надёжный причал».

Надёжной точкой опоры становится у Больнова (fest) – праздник – и это не весёлое времяпрепровождение, а

строительство «нового укрытия», творчество по воссозданию «островка безопасности» в мире, открытом всем трудностям.

Жилище, очаг как сосредоточие энергии служит проводником между человеком и миром. Дом как мир, храм, свой город – внешнее выражение внутреннего порядка, переживаемого человеком как чувство защищённости (в трактовке О. Ф. Больнова – как новая укрытость).

Заключение. Экзистенциально-антропологический подход к трагическому оптимизму О. Ф. Больнова состоит в следующем:

1) оптимизм как жизненный навык и качество личности первоначально формируется в семье. Ключевым фактором его воспитания является педагогическая атмосфера, которая впервые создаётся в защитном пространстве дома на основе доверия и надежды, благодаря любви матери и защитному окружению семьи;

2) формами воспитания оптимизма внутри дома и семьи выступает надежда и благоразумие. Надежда выступает первоначальным условием выживания и исходит из возможностей человека, формируется на основе доверия к собственным силам. В ситуации непреодолимых трудностей человек обретает способность к полному доверию будущему. Позже благоразумие становится формой оптимизма, которое способствует сохранению внутренней уверенности и спокойствия в самых сложных обстоятельствах жизни;

3) формами воспитания оптимизма вне дома и семьи выступают кризис и встреча. Кризис не может продолжаться бесконечно, он требует выхода. В результате его преодоления человек получает надежду и опыт: переживания, которые он прожил, становятся для него факторами нравственного воспитания: формирования чувства, воли и отношения как у субъекта деятельности; встреча с другим человеком даёт человеку внутреннюю опору, укрепляет её и понимается как экзистенция и всё то, что способно утешить и придать жизни смысл.

Такой подход дополняет педагогику новыми идеями позитивной экзистенциальной философии, в рамках которой воспитание оптимизма следует понимать как формирование феноменальной экзистенциальной позиции устойчивого равновесия человека в неустойчивом мире с нестабильными формами кризиса, пробуждения и встречи.

Такой подход расширяет границы человеческих сил и поиска возможностей в мире, полном опасностей, «зацепиться за него когтями», обрести тем самым уверенность и внутреннюю опору в себе самом. На пути к этой подлинности человек изживает в себе чувства потерянности и безмерности и при этом возвращается к себе со своей способностью быть самим собой. Путём «обуздания иррациональных сил» человек обретает себя.

Такой подход послужил философским основанием педагогике XX века.

Выводы по главе 2

В философии экзистенциального анализа широко известна позитивная психотерапия В. Франкла, названная им логотерапией (лечение смыслом). Один из параграфов данной книги имеет целью проследить эволюцию взглядов В. Франкла на страдание, которое в случае его позитивного переосмысления способно раскрыть перед человеком смыслы и способы его преодоления.

В результате мы пришли к выводу о том, что трагический оптимизм – это способность человека самостоятельно, своими силами преодолеть страдания путем выявления собственных ресурсов и обнаружения жизненных возможностей и смыслов как перспектив личностного развития. Такой оптимизм парадоксален.

В. Франкл настоял на раскрытии потенциала человека и исследовании его духовно-личностных высот. За основу логотерапии был взят курс на изучение достоинств и сильных

сторон личности, а не на анализ комплексов или низменных страстей. В центре позитивной психотерапии В. Франкла был человек такой, каким он мог бы стать. В своей знаменитой речи 1972 года Виктор Франкл приводил пример того, что о человеке следовало бы думать чуть лучше, тогда он проявит себя тем, кем может стать. Поэтому не следует лишать человека его значения, а его действия – смысла. Вот эта способность человека быть лучше (от лат. «optimum» – наилучший) и составляет основу эвристического (осознанного) оптимизма В. Франкла. В позитивных оценках негативных реалий жизни Виктором Франклом формируются методика преодоления жизненных трудностей; основы воспитания осознанного оптимизма; основы формирования сильной личности, способной путем опоры на добродетели, на свои ценности и нравственные ориентиры преодолеть трудности на пути к успеху.

Трагический оптимизм В. Франкла – духовная стойкость, проявляющая себя как нравственная свобода и способность обрести позитивный смысл в страдании, точнее – в его преодолении путем возможностей разума. Такой разумный оптимизм строится на осознанном отношении к трудностям и на системе психотехник.

С позиции экзистенциально-антропологического подхода немецкого философа Отто Больнова раскрыто воспитательное значение трагического оптимизма с помощью сопутствующих феноменов: «завтрашней радости», дающей растущей личности чувство защищённости и уверенности в завтрашнем дне.

Философский анализ трудов О. Больнова показал, что *феномен оптимизма тесно связан с педагогической атмосферой дома и семьи, любовью, защитой и надеждой, доверием матери с одной стороны; и уважением, терпением, благодарностью к ней со стороны детей.*

В подходе О. Больнова привлекательны два направления: экзистенциализм и герменевтика. Одно из них

преодолевается как экзистенциальное: «трагизм жизни». Другое – герменевтика, служит для интерпретации духовных понятий, расширяемых Больновым до герменевтической теории познания.

К философско-ценностным основаниям оптимизма отнесены качества: доверия, ответственности, любви и благодарности, а к педагогическим предпосылкам – педагогическая атмосфера, которую они образуют. Установлено, что в защитной атмосфере дома и семьи укрепляются и получают дальнейшее развитие все самые светлые чувства и *мечты ребёнка, за которые он борется* в суровом мире, полном опасностей и ненадёжности.

В параграфе прослежена эволюция понимания оптимизма как духовно-нравственного стержня-феномена и качества личности: от мечты к уверенности; от борьбы к надежде на собственные силы; от доверия судьбе к смирению и благодарности; от изменения отношения к тому, что нельзя изменить, к принятию неизбежного как данности.

В целом такой оптимизм следует понимать как способность человека выстраивать свою жизнь и философию на основе мечты, борьбы и смирения. Именно на основе такой философии педагогика XX века создавала духовно-нравственный образ человека.

Концепция трагического оптимизма немецкого философа Отто Фридриха Больнова основана на экзистенциально-антропологическом подходе.

Некоторые аспекты концепции:

– *оптимизм как жизненный навык и качество личности первоначально формируется в семье.* Ключевым фактором воспитания оптимизма является педагогическая атмосфера, которая создаётся в защитном пространстве дома на основе доверия и надежды, благодаря любви матери и защитному окружению семьи;

– *формы воспитания оптимизма внутри дома и семьи* – надежда и благоразумие. Надежда выступает первоначальным

условием выживания и исходит из возможностей человека, формируется на основе доверия к собственным силам. Позже благоразумие становится формой оптимизма, которое способствует сохранению внутренней уверенности и спокойствия в самых сложных обстоятельствах жизни;

– *формы воспитания оптимизма вне дома и семьи* – кризис и встреча. Кризис не может продолжаться бесконечно, он требует выхода. В результате его преодоления человек получает надежду и опыт.

Оптимизм в трактовке Больнова – это чувство защищённости, чувство застрахованной безопасности с позитивным вектором: безопасность здесь не от чего-то, а в чём-то.

В целом такой оптимизм следует понимать как способность человека выстраивать свою жизнь и философию на основе мечты, борьбы и смирения.

В итоге мы приходим к выводу о том, что такой оптимизм можно воспитать:

– первоначально в семье, в атмосфере любви и защищённости,

– а затем, – в педагогической атмосфере, которую способен создавать педагог как мудрый наставник.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках наших научных интересов находится педагогическая аксиология, а значит, – человек как открытая возможность для воспитания самых сильных и лучших качеств, к значимому ряду которых мы относим трагический оптимизм. Обращаясь к теории ценностей философов (от Ф. Ницше Ф. до В. Франкла) мы раскрыли воспитывающее, построенное на духовных ценностях, педагогическое содержание оптимизма как ценного качества личности, формируемого в процессе приобретения жизненного опыта по преодолению страданий, трактуя его как духовную стойкость личности, способной нести ответственность за трудности и стойко их преодолевать. Установлено, что в классификации ценностей и смыслов трагический оптимизм – осознанное, ответственное, мужественное решение, относимое к категории ценностей отношения, которые обретаются на практике. Трагический оптимизм понимается нами как умение преодолевать страдание, а в случае невозможности его преодоления – как способность позитивно его переосмыслить с помощью выявления внешних возможностей и внутренних ресурсов. Такой оптимизм уникален и экзистенциален одновременно, что важно в педагогическом плане: в мире, лишенном опоры, *оптимизм можно воспитать*, опираясь на себя и сохраняя равновесие в постоянном духовном разумном движении и позитивном изменении, обретая себя и жизненные смыслы.

Предложены некоторые психологические техники, вошедшие в копилку не только психотерапевтической, но и педагогической практики воспитания осознанности, мужества, стойкости, духовности, ответственности и, оптимизма, соответственно. Отмечается, что проявление трагического оптимизма является одной из составляющих созидательной и осознанной деятельности человека, средством утешения и спасения в условиях действия без опоры и надежды на будущее.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адо П. Что такое античная философия? М.: Из-во гуманит. литер. 1999. 317 с.
2. Андреева Ю. В. Духовно-религиозная концепция оптимизма в философии и педагогике И. А. Ильина // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22, № 3. С. 332-340.
3. Андреева Ю. В. Концепция трагического оптимизма Фридриха Вильгельма Ницше: философское осмысление и педагогическая интерпретация // Педагогический ИМИДЖ. 2024. Т. 18, № 4. С. 454-465.
4. Андреева Ю. В. Оптимизм как профессионально-личностное качество педагога в контексте антропологической философии Отто Фридриха Больнова // Современный учитель – взгляд в будущее: сб. научн. трудов. 2023. С. 11-15.
5. Андреева Ю.В. Оптимизм в философии надежды Отто Фридриха Больнова // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2022. № 2. С. 85-94.
6. Андреева Ю. В. Трагический оптимизм В. Франкла в контексте педагогической аксиологии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 6. 2021. С. 23-39.
7. Андреева Ю. В. Феномен «доверия, надежды завтрашней радости» в философии защитного воспитания Отто Фридриха Больнова // Известия Волгоградского педагогического университета. 2023. Вып. 9 (182). С. 22-26.
8. Андреева Ю. В. Феномен оптимизма Отто Больнова в педагогической атмосфере дома и семьи // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 3 (144). С. 28-36.
9. Андреева Ю. В. Философская концепция трагического оптимизма В. Франкла в его методике осознанного преодоления страдания // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2021. № 3. С. 45–54. URL: <http://fikio.ru/?p=4792>.

10. Андреева Ю. В. Ценностно-смысловая интерпретация трагического оптимизма В. Франкла в контексте преодоления страдания // Ценности и смыслы. 2022. № 4 (80). С. 70-81.

11. Больнов О. Ф. Воспитание разговором / Язык и образование. Отчёт о рабочем совещании Немецкого общества педагогических наук, состоявшемся в Геттингене 7-8 апреля 1968 года. Вайнхайм, Берлин, Базель: Belts. 1968. С. 217-229 (на немецком языке).

12. Больнов О. Ф. Новая укрытость. Проблема преодоления экзистенциализма. Введение // Философская мысль. 2001. № 2. С. 137-145.

13. Больнов О. Ф. Новая укрытость. Проблема преодоления экзистенциализма. Введение. Философия экзистенциализма. М.: Директ-Медиа, 2009. 348 с.

14. Больнов Отто Ф. Педагогическая атмосфера // Феноменология и педагогика. 1989. № 7. С. 5-11 (на английском языке). DOI: <https://doi.org/10.29173/pandp15111>.

15. Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма / Пер. с нем. и предисл. С. Э. Никулина. СПб.: Лань, 1999. 222 с.

16. Волков А. В. Настроение и образование в свете воззрений М. Хайдеггера и О. Ф. Больнова / А. В. Волков, С. В. Волков // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 46-52.

17. Горький М. Песня о Буревестнике. Стихотворения и воспоминания. М.: ЭКСМО, 2024. 288 с.

18. Ерисов Д. П. Религиозная философия Ивана Александровича Ильина: дис. ... канд. филос. наук. М., 1997. 130 с.

19. Ерисов Д. П. Религиозная философия Ивана Александровича Ильина: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1997. 27 с.

20. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: Исследование. М.: АСТ, 2002. Т. 1-2. 592 с.

21. Ильин И. А. Книга надежд и утешений. М.: Апостол Веры, 2006. 383 с.
22. Ильин И. А. Об ответственности // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 2, кн. 2. 480 с.
23. Ильин И. А. Основы христианской культуры; Путь духовного обновления. СПб.: Шпиль, 2004 (ГПП Печ. Двор). 351 с.
24. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 3. 592 с.
25. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою. Берлин: Тип. О-ва Presse, 1925. 224 с.
26. Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. М.: Дарь, 2019. 320 с.
27. Ильин И. А. Путь духовного обновления. М.: Русская книга, 2006. 334 с.
28. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Дарь, 2017. 352 с.
29. Ильин И. А. Религиозный смысл философии. М.: АСТ, 2003. 694 с.
30. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга. 1993. Т. 3. 592 с.
31. Ильин И. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Философия права. Нравственная философия. М.: Московский философский фонд: Медиум, 1993. 510 с.
32. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: в 2 т. Т. 1: Учение о Боге. М.: Изд. Г. А. Лемана и С. А. Сахарова, 1918. 301 с.
33. Куликов В. Б. Больнов (Bollnow) Отто Фридрих // Российская педагогическая энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. С. 199.
34. Куликов В. Б. Педагогическая антропология: истоки, направления, проблемы / В. Б. Куликов. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 191 с.

35. Лисица Ю. Т. Иван Александрович Ильин: ист.-биограф. очерк // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1993. Т. 1. С. 5-36.

36. Ломако О. М. Философия Отто Фридриха Больнова: социальное, этическое, экзистенциальное // Известия Саратовского ун-та. Сер. Философия, психология, педагогика. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 30-34.

37. Макаренко А. С. Педагогическая поэма. М.: АСТ, 2024. 800 с.

38. Мукашева А. К. Религиозная философия И. А. Ильина и современное социальное познание // Вестник Владимирского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки и искусство. 2005. Вып. 11. С. 79-82.

39. Никулин С. Э. Отто Фридрих Больнов: между философией и педагогикой: монография / С. Э. Никулин, Г. Е. Соловьев. Ижевск: Удмуртский университет, 2023. 296 с.

40. Новичкова Г. А. Антропологическая интерпретация педагогики О. Ф. Больнова // Вопросы философии. 2004. № 5. С. 155-162.

41. Ницше Ф. Весёлая наука. М.: Азбука, 2023. 352 с.

42. Ницше Ф. Воля к власти. М.: Эксмо, 2003. 864 с.

43. Ницше Ф. ЕССЕ НОМО. Как становятся сами собою. М.: Фолио, 2013. 224 с.

44. Ницше Ф. О будущности наших образовательных учреждений / Несвоевременные размышления [Электронный ресурс]. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3. Ин-т философии. М.: Культурная революция, 2005. Из наследия 1872-1873 гг. 480 с. URL: <https://www.libfox.ru/113485-fridrih-nitshe-o-budushchnosti-nashih-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy.html> (дата обращения: 22.07.2024).

45. Ницше Ф. Письма Фридриха Ницше. М.: Культурная революция. 2007. 400 с.

46. Ницше Ф. В. По ту сторону добра и зла. М.: Азбука, 2024. 544 с.

47. Ницше Ф. Рождение трагедии / под общ. ред. А. Россиуса. Перевод А. Михайлова. М.: Ad Marginem, 2001. С. 13-46.

48. Ницше Ф. Странник и его тень. Шопенгауэр как воспитатель [Электронный ресурс]. Сочинение в 3 т. Т. 2. М.: REFI-book. 1994. URL: https://lib.ru/NICSHE/razmyshleniya3.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 12.05.2024).

49. Ницше Ф. Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. М.: Пальмира. 2018. 479 с.

50. Ницше Ф. В. «Сумерки кумиров, или Как философствуют молотом». СПб.: Художественная литература. 1993. С. 608-609.

51. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб.: СЗКЭО, 2017. 352 с.

52. Пойзнер Б. Н., Захарова Э. А. Проблема образования и ницшеанский идеал самосозидающей личности // Вестник высшей школы. 1992. № 4-6. С. 32-35.

53. Смолинская О. Е. Идея единства образования и культуры в трудах Ф. Ницше, В. Дильтея, А. Бергсона // Научный диалог. 2013. Вып. 8 (20). С. 36-50.

54. Федотова О. Д. Теоретико-методологические основы педагогики Германии и ФРГ (конец XIX века-90-е гг. XX века). URL: https://freereferats.ru/product_info.php?products_id=149078 (дата обращения: 05.05.2025).

55. Франкл В. Воля к смыслу. М.: Альпина Пабlishер, 2019. 228 с.

56. Франкл В. Доктор и душа. Логотерапия и экзистенциальный анализ. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 390 с.

57. Франкл В. Логотерапия и экзистенциальный анализ: Статьи и лекции. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 344 с.

58. Франкл В. Основы логотерапии: психотерапия и религия. СПб.: Речь, 2000. 285 с.

59. Франкл В. Психотерапия и экзистенциализм. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 192 с.
60. Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. М.: Альпина Нон-фикшн, 2009. 140 с.
61. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс. 1990. 368 с.
62. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Миф, 2024. 304 с.
63. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Слово, 2015. 488 с.
64. Шелер М. Положение человека в космосе // Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 129-193.
65. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. В 2-х т. Т. 2. М.: АСТ, 2024. 672 с.
66. Шопенгауэр А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. Мир как воля и представление. М.: Республика. 1999. 497 с.
67. Ясперс К. Философия. В 3-х кн. Кн. 2. Просветление экзистенции. М.: Канон+, 2021. 448 с.
68. Bollnow O. F. Antropologische Padagogik / O. F. Bollnow. Bern: Stuttgart, 1983. 144 s.
69. Bollnow O. Die padagogische Atmosphere: Untersuchungen uber die gefuhl-smasigen zwischenmenschlichen Voraussetzungen der Erziehung. Essen: Die Blaue Eule, 2001. 112 s.
70. Bollnow O. Existenzphilosophie und Padagogik. Versuch uber unstetige Formen der Erziehung. 5-е изд. Кольхаммер, Штутгарт, 1977. 160 с.
71. Bollnow O. F. Kriese und neuer Anfang. Beitrage Zur Padagogische Antropologie. Heidelberg: Quelle&Meyer, 1966. 152 s.
72. Bollnow O. F. Neue Geborgenheit. Das Problem einer Uberwindung des Existenzialismus. Stuttgart; Koln, 1960. 247 s.
73. Frankl V. Man's search for ultimate meaning. New York: Basic Books, A Member of the Perseus Books Group, 2000. 200 p.

74. Hufnagel E. Otto Friedrich Bollnow // Padagogische Theorien im 20. Jahrhundert. Frankfurt am Main: Haag und Herchen, 1982. Pp. 135-146.

75. Otto Friedrich Bollnow im Gespräch. Schriftenverzeichnis.[author un known] – 1968. Zeitschrift für Philosophische. Bd. 2. H. 22. Apr.-Jun.1968.

Научное издание

Андреева Юлия Владимировна

**Трагический оптимизм:
философия воспитания XX века**

Монография

Издательство «Наукоемкие технологии»

ООО «Корпорация «Интел Групп»

<https://publishing.intelgr.com>

E-mail: publishing@intelgr.com

Тел.: +7 (812) 945-50-63

Интернет-магазин издательства

<https://shop.intelgr.com/>

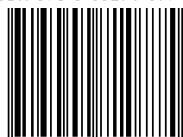
Подписано в печать 29.12.2025.

Формат 60×84/16

Объем 5,375 п.л.

Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-00271-077-5

9 785002 710775 >